

Вася Неторопливый

Пробуждение Гемеры

Вася Неторопливый
Пробуждение Гемеры

«Автор»

2026

Неторопливый В.

Пробуждение Гемеры / В. Неторопливый — «Автор», 2026

Это последняя книга из цикла "24.41" Васи Неторопливого. Перед ней были написаны: "Заброшенный сад Персефоны", "Подруга Мелиной" и цикл повестей о мире Великой Степи. Пожалуй, что к данному произведению ближе именно эти повести. Здесь и стимпанк, и ИИ, и любовь, и дружба... Так можно сказать и про предыдущие мои тексты, которые, к слову, не по вкусу любителям разнообразных альтернативок, киберпанков, боевиков и бояранимэ. В общем, не стоит думать, что наткнетесь на нечто прорывное. Неспешное повествование. К сожалению, у меня нет больше корректоров, поэтому пришлось к исправлению ошибок привлечь ИИ. Естественно, я не дал ему возможность как-либо менять сам текст - только пунктуацию и орфографию. И отслеживал, чтоб не своевольничал. Как получилось? Да кто его разберет. В конце концов в сети есть текст и без коррекции.

© Неторопливый В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 5	31
«Горек был тот день и солона вода слез его».	31
Глава 6	37
«...и спускался в ад вслед за проклятыми душами. Он плакал и молил Создателя согреть их».	37
Глава 7	43
«Убоявшись ангелов Создателя, разжал Великий Дракон когти свои»	43
Глава 8	53
«Сердцем своим блудница открыла Дверь перед Ним»	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Вася Неторопливый

Пробуждение Гемеры

Глава 1

«Из Волны Гнева и Камня Мудрости создал Он Сына»

Во сколько ни ложись, просыпаться приходится не только слишком рано, но и как раз посреди самого интересного сна. Иногда разоспавшегося Тимку будил дядя, но чаще — скотный двор. Гоготали гуси, невпопад вопили на разные голоса петухи, мычали коровы, орали цесарки... И чем выше вставало солнце, тем сильнее, насыщеннее становились эти звуки. Спустя же примерно полчаса после рассвета какофония становилась настолько громкой, что заглушала скрипучие крики чаек.

Тимка уселся на кровати. Он не открывал глаз, стараясь подольше задержать под веками сновидение, но оно все равно таяло, растворялось, будто льдинка в ладони. Осталось только, если так можно выразиться, послевкусие — ощущение прекрасного будущего.

Тряхнув головой, чтобы прогнать сонливость, Тимка стащил с веревки сушившиеся на ней штаны и рубаху, быстро оделся и застелил кровать дырявым выгоревшим покрывалом. Самые большие дырки он закрыл тряпками. А без этого ведь никак. Бродяга—ветер обязательно нанесет в щелястую хибару пыли и песка — замучаешься перед сном вытряхивать все это добро.

Следовало пошевеливаться. Как только дядя с женой закончат дойку, и это произойдет уже достаточно скоро, прицеп должен быть готов к поездке. А ведь старой литальтоновой платформе раз от разу требовалась температура повыше, чтобы уверенно держаться в воздухе. Потому и времени на разогрев приходилось тратить все больше. Разумеется, платформу было бы лучше вообще купить поновее, но дела на ферме шли не лучшим образом, поэтому дядя бесконечно латал и латал старый прицеп.

Ветер дул со стороны океана и будет так дуть еще неделю. После новогоднего трехлуния всегда так. Вроде бы это как-то связано с Волной, которая возникает, когда в ночном небе светят сразу три сестрички: Алира, Белла и Цветица. Тогда вода поднимается к небу и вал прокатывается по Срединному океану вокруг всей планеты. «Влияние притяжения лун», — говорил учитель в начальной школе городка Эйлер, где Тимка когда-то проучился четыре года.

— Эх—хе—хе, ученик с номером двадцать четыре сорок один, когда это было...

При воспоминании об учебе юноша вздохнул. Хорошо там было, даже несмотря на периодические стычки с задирами из старшей школы, что жили на втором этаже общаги. Но прошло почти семь лет, и мелкие неурядицы практически стерлись из памяти. Во всяком случае, здесь, на дядином хуторе, школьные года теперь казались волшебной сказкой.

Когда Тимка, натянув на босу ногу растрескавшиеся кожаные тапки, выбрался из своего сарайчика, то с минуту стоял на свежем еще ветру, в меру приправленном йодом и солью. Все это очень контрастировало с привычными запахами свинарника и коровника. Хотелось стоять вот так, наслаждаясь погодой, а между тем солнце поднималось все выше, и красноватый серп Цветицы стал еле различим. Значит, времени осталось в обрез.

Раскатав подключенные к магистрали шланги, Тимка подсоединил их к платформе и повернул краны. Зашипел пар, стрелка на манометре ушла из зеленого сектора в белый, но и без прибора было понятно, что давление здорово просело: звук вакуумного насоса доилки стал тяжелым, басовитым. Производительность системы снизилась, но пока еще не очень критично. Тимка приготовился закрыть краны, потому что если так продлится долго, то можно схлопотать от дяди хорошую затрещину. Однако на этот раз клапан котла трактора нормально отреагировал на возросшую нагрузку, и давление в магистрали быстро подросло до нормы.

Тимка шумно вздохнул и хмуро уставился на платформу — та едва вздрагивала. Юноша даже подумал было, что уж на этот раз прицепу не подняться, но тут литальтон захрустел, словно первый зимний ледок под ногой, и платформа, едва заметно покачиваясь, зависла над землей. Тимка присел на корточки и заглянул под днище: белки уже наделали там норок, но ничего, слава богу, не погрызли. Во всяком случае пар явно не свистел и куски не валялись. Это хорошо, значит, на этот раз не придется возиться с капризным раствором для ремонта.

Вскоре засвистел стравливаемый из цилиндра пар, и вакуумник, лениво пропыхтев напоследок пару раз, остановился. Вентиляторы конденсатора все еще лениво вращались по инерции. Теперь можно было цеплять платформу к трактору. Тимка отсоединил шланги и принялся толкать тяжелую платформу к трактору. Она не сразу поддалась усилиям юноши, но все же сдалась и нехотя поплыла в нужную сторону. Из коровника вышел дядя, отключил котел трактора от магистрали, закинул в топку пару брикетов и посмотрел на мерную трубку. Уровень воды упал почти до минимума. Тогда он подсоединил шланг к баку, залез в кабину и покрутил вентили. Прозрачный столбик в трубке начал медленно подрастать.

— Как сегодня прицеп, Тимофей? — спрыгнув на землю, спросил дядя. — Тяжело, — лаконично ответил Тимка, нацеливаясь скобами прицепа в захваты трактора. — Ладно, урожай сдадим — попробуем выкроить денежку, — без особой уверенности в голосе пообещал дядя, сосредоточенно вытирая руки ветошью.

Эту притчу Тимка слышал столько раз, сколько себя помнил. Он давно уже не придавал значения дядиным словам, когда тот рассуждал о модернизации техники. Ни урожай, ни молоко, ни мясо, ни зерно не могли нынче дать достаточной прибыли, чтобы отложить что-то на обновление имеющегося оборудования. Погода стала изменчивой, засухи сменялись потопами, зима уходила неохотно. Выручил бы кредит, но дядя был категорически против «этого сборища дармоедов и аферистов», как он называл банки.

Щелкнули захваты. Пока Тимка устанавливал скобы, дядя подключил шланги трактора к платформе.

— Шабаш пока, перекур, — сообщил дядя и достал из кармана кiset.

Едва он успел скрутить сигарету, как из коровника вышла Мария. В руках у нее было два фартука, куски тряпок для протирки вымени и ведро. Окинув суровым взглядом Тимку, она бросила вещи в корыто с водой, а из ведра плеснула молоко в кошачью миску. Разномастное воинство, уже давно бродившее поблизости, тут же ринулось пить. Короткие их хвосты забавно при этом поскрипывали.

— Простири, а я пошла готовить, — сказала юноше Мария, кивнув на корыто, и, прихрамывая, направилась к дому. — Ага, — кивнул он с готовностью.

Возражать ей не стоило, ибо это было не просто бесполезно, но и болезненно: Мария не скупилась на затрешины. Вообще-то она не была злой по своей натуре, но жизнь женщины на ферме — штука жесткая, беспросветная. Женщина тут больше работница, чем жена. Коров надо доить два раза в день, свинарники чистить. Птичий двор, опять же, требовал немалого внимания. А еще готовка, стирка, штопка... Если бы не длинное платье и собранные в пучок волосы, то женщину с трех шагов и не отличить было от какого-нибудь фермера—мужчины. Такая же массивная плечистая фигура, тяжелая походка. От работы руки Марии огрубели, а время сделало морщины на ее лице глубокими. Некогда ярко—голубые глаза ее поблекли, словно выгорели. Она запросто могла бы сойти за сестру дяди. Причем за старшую.

Дядя проводил ее взглядом, невесело хмыкнул и затушил сигарету.

— Давай-ка, малыш, загрузим сперва фляги, а потом — сыр. Сегодня молоко на базар повезем.

Тимка это и так знал: молоковоз заезжал на ферму два раза в сутки, но одно утро в две недели пропускал. За это время успевал созреть сыр и наготовливались колбасы. В базарный

день дядя сам отвозил продукты на базар в Эйлер. И если торговля шла удачно, то на вырученные средства покупалось не только все необходимое, но и некоторые мелочи сверх того.

Юноша помог дяде закрепить груз, потоптался немного и отправился к корыту. Не то чтоб стирка была сложной или неприятной работой — на ферме всегда найдутся куда менее увлекательные дела, — но парня больше тянуло к железкам. Сейчас он бы с удовольствием заменил дядю и, набив шприц, смазал узлы трактора. А то и занялся вакуумником. Стирка же... Она тоже дело нужное, но Тимка всегда считал это делом все же больше женским и незначительным.

Едва он успел развесить выстиранные вещи, как из дома послышался громкий голос Марии:

— Грегор, Тимка — завтрак на столе!

Что ж, завтрак — дело хорошее. Тем более что в животе уже урчало. Вытерев ладони о рубаху, парень направился к дому. Сама же Мария с миской в руках отправилась к будке Бобика. Старый пес, доселе тихо дремавший в тенечке, оживился, тяжело встал и замахал хвостом, поджидая хозяйку. Он тоже был не дурак перекусить.

Когда дядя и его жена отбыли, Тимка выгнал коров на пастбище, а сам занялся текущими делами. Конечно, когда все фермеры были в сборе, работа шла куда быстрее и не так утомляла, но и сейчас парень управился с основными делами чуть больше чем за пару часов. Покуда еще не приспели очередные дела, он накосил свежей травы свиньям и пошел купаться.

От океана ферму отделяла высокая каменная гряда. Единственным проходом к воде была крохотная бухточка, зажатая между двумя скалами, походившими на клыки чудища. Защищенное от ветра, всегда прогретое солнцем место отлично подходило и для купания, и для рыбалки, но только не для транспорта. В незапамятные времена от одного из «клыков» отвалился кусок и перегородил выход. Дядя говорил, что этот дурацкий Камень снижает цену фермы чуть не вдвое, ибо из-за него невозможно использовать морские пути. Может быть, и так, но Тимке не очень верилось, поскольку существовали различные способы убрать даже такую скалу. Скорее всего, Грегор не хотел лишаться этой естественной изгороди, защищавшей от незваных гостей лучше всякого забора.

Добравшись до воды, Тимка зашел в нее прямо в одежде, присел, чтоб окунуться, и выбрался на берег. Там он разделся, а мокрые вещи разложил на нагретых солнцем камнях. К концу купания они, естественно, не высохнут, но останутся в меру влажными: и чисто, и для работы — самое то.

Поскольку глубина по эту сторону Камня была небольшой, то вода сильно прогревалась, поэтому Тимка перелезал через него и шел в океан. Правда, и там даже в самых глубоких местах вода доходила юноше до горла, но зато освежала куда лучше. К тому же было приятно стоять и вглядываться в горизонт, ощущая, как мелкая рыбешка тычется в ноги. Но на этот раз с купанием не срослось. Взобравшись на Камень, Тимка с удивлением обнаружил, что чуть дальше теперь лежит еще один камень. Большой, светлый, блестящий, он совершенно не походил на обломок скалы.

Парень сполз в воду и побрел к новому препятствию. Когда он подошел ближе, то понял, что это вовсе и не камень, а какая-то металлическая штукавина. Очень похоже, что вполне рукотворная. Это открытие его больше порадовало, чем огорчило. Большой кусок металла стоил достаточно дорого, и если никто не предъявит своих прав на находку, то дяде наверняка хватит на литальтоновую платформу для прицепа. Да еще, пожалуй, и останется. Хорошо бы штукавину подальше затащить, а потом дядя приедет — трактором зацепить и переволочь через Камень. «Хоппер» мощный, наверняка сдюжит. Нужно только найти местечко, где привязать веревку, чтоб не унесло находку снова в океан.

Протянув руку, парень коснулся металлической поверхности. Она была холодной и не слишком ровной, будто ребристой. Создавалось впечатление, что собрана она из узких метал-

лических полос, однако ни заклепок, ни щелок нигде видно не было — просто цельный рифленый кусок железа. Тимка нырнул и попытался оценить размеры находки. Его ждал сюрприз: оказалось, что на поверхности находится лишь малая часть конструкции, под водой оставалось намного больше. И брюхо железки застряло в песке. Теперь парень засомневался, что трактору удастся вытянуть такую махину. По сравнению с ней тяжелый «Хоппер» выглядел бледновато. Однако попытаться все же стоит, если, конечно, железку раньше не обнаружит морской патруль. Эти не поделятся.

Еще раз нырнув, Тимка попытался в деталях рассмотреть свою находку, однако из-за недавней Волны вода все еще оставалась мутноватой. Так, общие контуры только видно. Штуковина походила формой на пирожок, что печет Мария, хотя и не столь правильной формы. Может, это что-то вроде лодки, какая-нибудь плавающая машина родом из-за океана. Здесь, на Солнечном Берегу, все суда строились на литальтоновых платформах и больше походили на площадки, снабженные большими решетчатыми колесами, чтобы ехать по дну. Здесь же нет и намека на колеса. Хотя, конечно, это мог быть только помятый обломок судна, попавшего под Волну. Говорят, что редкие смельчаки, а скорее, самоубийцы все же пытаются побороться с новогодней Волной. Тогда то, что остается от их посуды, рано или поздно прибывает к берегу.

Тимка нырял еще и еще. Он пытался обнаружить хоть какую-нибудь скобу или крючок, но тщетно. Если таковой не найдется, то это тоже большая проблема: как вытянуть то, что не имеет ни одной зацепки. Потребуется прочная большая сеть, но где ее такую взять? Если у рыбаков попросить, то возникнут лишние вопросы. Невезуха, хороший куш лежит, можно сказать, на пороге дома, и так мало шансов его достать. Придется дяде покумекать на этот счет. Повезло еще, что наступило время малых приливов и вряд ли до отлива удастся снять ее с мели.

Отплыв подальше от скал, Тимка встал на дно и убедился, что со стороны океана находку не видать. Впрочем, и саму бухточку обнаружить тяжело без карты, а уж лежащий тут, в тени скал, предмет, не слишком-то выступающий над поверхностью воды, и подавно не разглядеть.

Когда парень вернулся на берег, то нашел свою одежду совершенно сухой. Значит, времени прошло немало и кое-какая текущая работа успела накопиться. И ее необходимо всю переделать еще до возвращения родственников с базара, иначе не избежать тумачков. Занимаясь делами, Тимка напрочь забыл про железку и вспомнил про нее только тогда, когда увидел движущуюся черную точку на склоне дальнего холма. Добежав до своей хибары, Тимка схватил бинокль и попытался рассмотреть, что же движется по дороге. Вроде бы да, трактор, но точно ли их — непонятно. Дядя в свое время неудачно уронил древний прибор на камни, и стекла лопнули, после чего бинокль переключал к племяннику. Тимка попытался отремонтировать симпатичную штуковину, но смог кое-как восстановить только половину. Получилось не очень. Но то, что едет трактор, разглядеть все же удалось. Чей — не ясно, но если дядин, то они вот-вот въедут в лес. Дорога там не очень, на полной скорости не погоняешь, значит, в запасе есть часа два. С таким количеством дел времени оставалось впрытк, и Тимка сбился с ног, стараясь наверстать упущенное.

Примерно через пару часов уже можно было различить пыхтение двигателя. Громко, с повизгивающими нотками, лаял Бобик. Он прекрасно знал звук хозяйского трактора и всегда радовался приезду хозяев.

Когда машина выехала из—под сени леса, парень уже стянул рубаху и смывал под краном грязь и пот. Он успел разобраться со всеми делами, но при этом вымотался до крайности, а ведь еще предстояла разгрузка прицепа. В отличие от другой, эта работа доставляла удовольствие, и пропускать возможность прикоснуться к покупкам не хотелось.

Юноше нравился базар, но туда его брали нечасто. Он очень любил яркий шумный кавардак, творившийся в Эйлере раз в две недели. Красиво одетые люди, волшебные запахи гонимой на углях еды, сладкие конфеты... Для Тимки любые покупки, сделанные на базаре,

оставались навсегда искорками праздника. И каждое прикосновение к ним наполняло душу ощущением чего-то волшебного.

Трактор с усталым пыхтением въехал во двор и остановился рядом со шлангами магистрали. Зашипел пар. Мария прыгнула с прицепа и, прихватив две сумки, ушла в дом. Она торопилась приготовить еду на обед и ужин, хотела успеть до вечерней дойки. Дядя перевел трактор в режим котла, выбрался из кабины и кивнул Тимке.

— Давай разгружать.

Парень подвез тележку к прицепу и принялся перекладывать на нее горючее — брикеты прессованных белков. Они были тяжелыми: больше десятка за раз и не увезешь. Так их не только загрузить требовалось: довези, разгрузи и сложи. Пока дядя отвозил брикеты, Тимка таскал в дом упаковки с покупками. Десяток ходок совсем вымотали и так порядочно уставшего парня, однако любопытства не умерили. Возвращаясь, он каждый раз рассматривал упаковки, что лежали на прицепе. Какие они там внутри: яркие или не очень, съедобные или нет — не важно. Все это совсем недавно было частью прекрасного мира, игрушками взрослых людей. И Тимке очень хотелось побыстрее повзрослеть, чтобы очутиться в том волшебном мире.

— Как там было? — спросил он с деланным безразличием, когда, покончив с брикетами, дядя подошел к платформе.

Тот искоса взглянул на племянника, достал кiset и принялся неторопливо сворачивать сигарету.

— Да почти все то же самое, что и в прошлый раз, — наконец ответил он лениво, чиркнул спичкой и прикурил. — Вот только полиции многовато было сегодня. Искали кого-то вроде, но кого — не говорили. Но я думаю, что опять у них, ротозеев, преступник сбежал. Народ-то подметил, про это много что говорили...

Дальше последовал долгий и нудный пересказ различных версий, которые удалось подслушать в базарной толчее. Все это перемежалось с упоминаниями каких-то давних дядиных знакомых и обзором их биографий. А поскольку от дяди сильно несло пивом, словоизвержение его было не унять. Тимка сперва заинтересовался, но вскоре стал слушать вполуха. Ему вдруг подумалось о том, что полиция вполне могла прийти на базар в поисках владельца той штуковины, что сейчас лежит в бухте. Не факт, но возможно. Мало ли что происходит за пределами фермы, поди знай, как все там крутится. Из трех потрепанных книжек — сборников сказок, что юноша время от времени перечитывал, ничего о Солнечном Береге и не написано, а другую литературу раздобыть невозможно. Даже газеты в руки парня попадали крайне редко: из экономии дядя ничего не выписывал. Случайно или с какой оказией попадали в руки Тимки бумажные страницы, которые, естественно, прочитывались от корки до корки. Но там мало что было понятно. Но это не так уж и важно: интересовали его даже не новости, а тот пульс жизни, что здесь не ощущался вовсе. Люди чем-то занимались, путешествовали, спорили, совершали открытия, заключали сделки. А тут... Даже новости доходили до фермы исключительно в виде слухов.

— Все новости, — говорил дядя, — я бесплатно узнаю на базаре. Газеты — это для богатых дураков.

Тимка не хотел соглашаться с дядей, но доказать обратное не представлялось возможным, и потому оставалось только покорно кивать головой, чтобы не лишиться единственного источника информации.

— Ну ладно, пора заканчивать болтовню, — наконец сказал дядя, затапывая в пыль окурок, — вези прицеп на место.

Он ловко отщелкнул шланги от трактора, подключил их к штуцерам и полез в кабину, чтоб перебросить пар от котла на магистраль. Тимка уперся в борт прицепа и принялся его толкать к месту стоянки. Лучше с этим делом было не тянуть: старенькая литальтоновая платформа остывала довольно быстро, и если не поспешить — конструкция уляжется на землю

посреди двора. Тогда взбучки от дяди не миновать, да еще и лишней работы прибавится: один толстенный тяжелый шланг паропровода развернуть и свернуть — работы часа на полтора. «И на кой были эти пустые хлопоты?» — как спрашивает тетушка, когда приходится что-то переделывать.

Парень загнал прицеп под навес. И едва-едва успел подставить деревянные бруски, как платформа начала опускаться. Тимка подумал, что время остывания литальтона что-то уж сильно сократилось. Слишком все быстро, даже несмотря на почтенный возраст прицепа. Возможно, конечно, так могло произойти и потому, что дядя ради экономии дорогого горючего держал давление в котле на минимуме. Не очень хороший режим для машины, но сейчас, когда много стельных коров, а свиной приплод не подрос, экономия на всем стала жестче. Но тогда бы платформа «собрала» все кочки на лесной дороге. Нет, все дело в самой платформе. Менять ее пора, как ни крути.

Так или иначе, но платформа плотно улеглась на свое место, а значит, никаких пустых хлопот не предвиделось. Тимка ополоснул в корыте руки и прошел к столу. В ожидании трапезы он прикидывал, как бы поведать домашним про штуковину в бухте. Наверное, лучше будет сразу после обеда, но тут вспомнился дядин рассказ про полицию. Не просто же так полицейские бегали. А вдруг это как раз связано с той штуковиной? Тогда можно вместо благодарности получить хорошего тумака. К тому же и какое-то чувство внутри появилось, что нынче нельзя даже заикаться на эту тему. И Тимка решил, что не стоит пока ничего говорить. Потом как-нибудь — да, наверное, но не сейчас. Уж что—что, а своему внутреннему голосу Тимка привык доверять.

Глава 2

«Через Учителя нашел дар Создателя руку Сына. И прознав о том, царь повелел слугам своим отсечь ее».

— А это тебе, — вдруг сказала Мария, протягивая Тимке маленький сверток. — Спасибо! — ответил парень, разворачивая подарок.

Там лежал небольшой овальный медальон. Очень красивая вещица, словно сотканная из металлических нитей. Медальон чем-то напоминал кружевной воротник на праздничном платье тети, однако рисунок был куда сложнее: не плоский, а объемный. Металлические нити затейливыми узорами оплетали маленькое пустое пространство. Тимке пришло в голову, что неведомый художник настолько увлекся оправой, что забыл оставить внутри нечто важное. Наверное, даже нечто прекрасное, раз потребовалось столь необычное обрамление.

— Спасибо большое! — еще раз поблагодарил Тимка, не в силах оторвать взгляда от красивой вещицы.

Это действительно был неожиданный и прекрасный подарок. Нет, подарки-то ему дарили и раньше, но, как правило, практичные: рубаху, штаны, тапки, белье. А вот игрушки, книги или украшения — никогда. «Дорого и бессмысленно» — такова была дядина характеристика всего, что совершенно не подходило для нормальной, по его мнению, жизни. Узнай он про книги, что были спрятаны за балками, — долго бы ругался. А то и вовсе отвез бы их на базар. И вдруг — безделушка.

— Это не мне спасибо, а твоему бывшему учителю, — хмуро пояснила Мария, зло комкая в руке тряпичную салфетку. — Я с ним на базаре встретила, и он просил тебе передать. Говорит, ты был хорошим учеником и заслужил подарок.

Дядя с недоумением посмотрел на жену. Та перехватила взгляд мужа и пояснила: — Ты с друзьями пиво пил, а я в тряпичном ряду ходила. Вот он там мне и попался.

Она бросила измятую салфетку на стол и отвернулась к окну. Тимке показалось странным, что тетушка говорила о встрече с такой злостью, будто она люто ненавидит учителя за

подарок. Парень решил, что лучше сейчас тихо уйти, сбежать от греха. С таким-то настроением неровен час — и отнимут подарок.

Тимка встал из-за стола и поспешил к скалам. Впереди почти полтора часа послеобеденного отдыха, а в жару лучше провести это время поближе к воде. Заодно и штуковину ту проведать. Однако, вскарабкавшись на Камень, Тимка обнаружил, что находка исчезла. Невероятно! Ведь штиль же. Разве что пароход какой рядом прошел, волну нагнал, да только нечего делать тут, рядом со скалами, пароходам. Опасные места, неровен час можно колеса сломать на прибрежных валунах, а то и литальтоновое брюхо повредить. Юноша сполз с Камня и прошел по дну метров пятьдесят. Бесполезно. Штуковины как и не было. Тимка выбрался на берег, улегся на песок и зажмурился, чтобы не разрыдаться. Сказать, что он был огорчен — ничего не сказать. В одночасье рухнули все надежды, в том числе и тайные. Все прахом! Не видать дяде новой платформы как своих ушей, а ему, Тимке — продолжения учебы или хотя бы денежки на новую книгу.

Но даже больше утерянных возможностей беспокоила тайна. Что это была за штука, откуда приплыла, что там внутри? Но коли железка исчезла неизвестно как и куда, то ответов не дожидаться — она забрала их с собой.

Справившись с приступом отчаяния, Тимка подтащил к себе штаны, достал из кармана медальон и принялся его рассматривать. Занятная безделушка. И чего тетушка так разволновалась? Сложный объемный рисунок, под каким углом его ни рассматривай, казался совершенно бессмысленным. Ни цветочка, ни листика, ни бабочки, как в тетушкиных кружевах. Конечно, если подключить воображение... Тогда под одним углом казалось, что получается голова лошади, под другим — что в центре рыба. Если перевернуть — вообще какой-то осьминог чудится. Ерунда какая-то получается. Так ведь и с облаками воображение творит все что угодно. И все же, при всей своей бесполезности, юноше медальон казался прекрасным творением неизвестного художника. Вот только почему учитель решил подарить такую странную, но наверняка ценную вещь именно ему, Тимке? В школе учились ребята, кто получал оценки куда лучше, да и вели они себя намного тише. Непонятен выбор, но все же спасибо ему, что не забыл.

После вечерней дойки Тимка снова выгнал всех, кроме стельных, коров на пастбище, проверил, что в поилки поступает вода, и подпер ворота жердями. Затем помог дяде с чистой коровника, благо не зима и коровы сюда приходят только на дойку, а потому работы было немного. После всех дел Тимка снова сбежал искупаться. Конечно, больше всего его интересовала штуковина: вдруг она опять там? Но надежда на чудо не оправдалась — в бухте было пусто.

Долгий странный день подходил к концу, тени удлиннились. Когда в небе стал заметен серебристый контур Беллы, загавкал Бобик и во двор с громким пыхтением въехал старенький молоковоз Фермерского Товарищества. Дядина ферма была в маршруте последней, поэтому на платформе оставались только их пустые фляги. Грегор помог водителю заменить пустые бидоны полными и получил расписку. Теперь из дел оставалось только закрыть в сетчатых загонах птицу — и ужинать.

Тимка справился с привычной работой быстро и затем дважды проверил затяжку замков. Надо, чтоб двери плотно прилегали. Не дай бог останется хоть один загон приоткрытым, туда обязательно просочится кольчатая ящерица или ласка какая. Мелкое-то зверье птицу вряд ли подерет, но яйца уж точно сворует.

Прежде чем идти на ужин, Тимка заглянул в свою летнюю резиденцию и на всякий случай спрятал медальон за балками, туда, где лежали книги. Вдруг тетушка захочет отобрать вещицу и вернуть учителю? Так можно соврать, что потерял. Возьмутся обыскивать — не найдут. Ну, в крайнем случае взбучку устроят, так не привыкать же. Зато сокровище никуда не денется.

Когда Тимка после ужина пришел в хибару, еще не совсем стемнело, но он сразу зажег масляную лампу. Он всегда так делал. Даже тогда зажигал, когда уходил любоваться с Камня флуоресцирующей гладью океана. Ведь всегда приятно возвращаться в дом с освещенным окном. Из коровника то и дело слышалось мычание стельных, однако до ближайшего отела им оставалось около недели — можно не дергаться. Тимка снова вышел из дома и прислушался к симфонии позднего вечера. Громко переговаривались сверчки, изредка о чем-то возмущенно тархтел филин, шуршало и тихо лязгало в траве какое-то мелкое зверье, слышался тонкий, едва различимый для человеческого уха писк летучих мышей.

Густые сумерки незаметно превращались в ночь. Над скалами показался самый краешек Беллы. Он не мог разогнать тьму, скорее делал ее еще более плотной. А ведь вскоре исчезнет и Белла. Так всегда происходит после новогодней Волны: луны исчезают и наступают самые темные ночи. «Сестрички поссорились» — говорят люди. В такое время бывает здорово сидеть на камне, торчащем посреди бухточки, и смотреть на призрачный свет, исходящий от океанских вод. Жуткое и вместе с тем захватывающее зрелище. Кажется, будто зеленоватое пламя плещется под ногами. А еще здорово наблюдать за небом. Там среди звезд возникают яркие голубоватые линии — «сестричкины слезы». Бывает, что целые минуты какие-нибудь растут, становятся ярче, а потом вспыхивают и собираются в точку. «Капает слезинка» — и небо меняется. Новые созвездия возникают в небе.

Да, очень жаль упускать такое зрелище, ведь меньше чем через неделю не останется ни одной такой слезинки и только через год появится возможность их снова увидеть. Увы, но с утра на ферме помимо рутины ожидается еще много других дел. Только одна чистка котла трактора займет кучу времени, да и прочие механизмы требовали обслуживания. Тимка решил сегодня просто почитать на сон грядущий, благо с сеткой на дверной проем, что презентовала тетушка, можно было не опасаться мошканы, летящей на свет, и не закрывать дверь.

Долгого чтения не получилось. Юноша изрядно вымотался за день, а книгу, читанную не один десяток раз, знал наизусть. Естественно, что глаза начинали закрываться еще в начале страницы. Он еще какое-то время пытался бороться с сонливостью, но потом сдался и погасил лампу.

Проснулся Тимка от грохота выстрела и отчаянного визга собаки. Юноша выглянул в крохотное окошко и увидел целых три полицейских грузовика, стоявшие во дворе. К дому бежали люди в полицейской форме. Двое возились с телескопическими мачтами, на верхушках которых громко шипели газовые прожекторы. Ферму заливало мертвенно—белым светом.

Из дома вывели дядю и тетю в одних халатах и оставили под охраной одного из полицейских. Немного погодя к ним подошел еще один человек, тоже в форме. Судя по тому, как полицейский охранник вытянулся в струнку — начальник. Пришедший что-то сказал подчиненному, и тот отошел в сторону. Начальник принялся что-то говорить. Разобрать, о чем конкретно шла речь, не представлялось возможным, но почему-то чувствовалось, что о нем, о Тимке. А если дело было в медальоне, чтоб его?.. Если так, то надо отдать вещицу полиции, и пусть выкатываются отсюда на все четыре стороны.

Пальцы нехорошо подрагивали, когда Тимка доставал медальон из тайника. Сжав безделушку в кулаке, он решительно направился к двери, но остановился на пороге. Оставалось сделать всего лишь шаг, вот только ноги словно приклеились к полу. Внутренний голос советовал, что неплохо бы и повременить.

За порогом виднелся только узенький, не освещенный прожектором клинышек, образованный тенью от стены. Местечко вполне годилось для того, чтобы следить за происходящим на ферме и при этом оставаться невидимым. Тут лишь бы не промахнуться при выходе и не попасть в свет прожектора. Даже мгновения хватит, чтобы заметили — в этом юноша не сомневался. Понятно, что полицейские не тархтятся на хибару непрерывно, но их там много, кто-то наверняка заметит движение.

Тимка стоял на пороге и боялся лишней раз пошевелиться. Требовалось сделать всего лишь шаг, но как себя заставить? Парень вдруг вспомнил священника, который разъезжал по фермам на своей пылящей старой церкви. Отец Гавриил, несомненно, читал Создателя, но не так, чтоб истово. Во всяком случае, в проповедях священника бог не воспринимался скучным и мстительным занудой. Пустой треп о царствии небесном и о преисподней больше походил на сказку, но все же иногда священник говорил и что-то весьма дельное, на взгляд Тимки. Например, что надо всегда прислушиваться к ангелу—хранителю. И совет этот пустым назвать уж точно было нельзя. Не раз и не два, следуя этой нехитрой истине, удавалось избежать множества проблем. А однажды это и вовсе спасло Тимке жизнь.

Затем он вдруг припомнил, что службы отца Гавриила почти всегда заканчивались игрой в кости. Священник не возражал, только предупреждал, чтобы играли не на деньги. Но фермеры, в том числе и дядя, постоянно пренебрегали запретом. Скорее всего, отец Гавриил был в курсе, но вида не подавал. А иногда святой отец заруливал на ферму, чтобы поболтать с дядей и тетей. Беседы эти, что велись на террасе за чарочкой самогона, были куда интереснее проповедей. Обсуждали виды на урожай и планы на будущее, мусолили последние сплетни, да много чего. Воспоминания помогли Тимке успокоиться, даже несмотря на то, что счастливому прошлому пришел конец.

Припомнив поговорку о том, что Создатель помогает только тем, кто сам себе помогает, юноша переступил порог и, чтобы не попасть под свет прожектора, сразу прижался спиной к стене. Световая граница проходила совсем близко от пальцев ног. Запас места крохотный, но все же он был, а это лучше, чем ничего. Парень перевел дух, повернул голову и принялся внимательно наблюдать за происходящим. Полицейский все так же что-то говорил, наверное, спрашивал, а дядя и тетя отрицательно мотали головами. Внезапно у начальника в руке что-то блеснуло, послышался грохот и громкий, исполненный боли крик. Дядя рухнул на землю и начал кататься, сжимая обеими руками голень. Тетушка вскрикнула и кинулась к нему, но офицер ударил женщину ногой. Она упала рядом с трактором.

Тимка замер, недоуменно глядя на происходящее. Все это не укладывалось в сознании. Полицейские не могут бить людей, они должны защищать от преступников, помогать! Блюститель закона может ударить лишь того, кто нарушает этот самый закон и представляет опасность для окружающих. По крайней мере, так написано в одной из книг. Неужто дядя и тетя — преступники? Юноша потряс головой и, осторожно отступив обратно в хибару, снял с гвоздя бинокль.

Жуткое зрелище открылось Тимке, когда он посмотрел на происходящее через оптику прибора. Стало видно, что темная кочка — неподвижное тело Бобика, что дядя скорчился у ног офицера, сжимая окровавленными руками ногу. Тетушка сидит между широкими колесами трактора и размахивает руками, словно кому-то чего-то пытается доказать. Однако там, где она находилась, ее жесты никому не могли быть видны. И тут Тимка понял, что Мария пыталась передать какое-то сообщение именно ему, будто знала, что племянник наблюдает за происходящим. Раз за разом тетюшка повторяла одни и те же движения, словно заводная кукла на базаре. И наконец юноша понял, что она пытается сказать.

— Беги отсюда!

Следовать совету и бежать? Но Тимка колебался. Ведь могло быть и так, что ему только показалось, будто тетюшка посылает сообщение. Нет, правда, откуда она могла знать, что племянник ее видит? Вдруг это у нее с полученным от офицера ударом как-то связано? Нет, на всякий случай лучше идти. Да и полицейские рано или поздно доберутся до хибары. А сейчас еще и луч ушел в сторону: похоже, что кто-то задел прожектор. Ситуация самая что ни на есть благоприятная.

Тимка выбрался за дверь. Страх и отчаяние убеждали его немедленно бежать к океану. Там, за скалами — спасение! Но юноше удалось справиться с собой и поприжать страх. Сразу при-

шло понимание, что перед тем как двигаться к берегу, надо осмотреться и наметить путь. Тут если ошибешься — все, пиши пропало.

Пригнувшись, он отбежал от хибары на десяток шагов и лег на землю. Сердце едва не выскакивало из груди, в висках стучало. Он снова поднес бинокль к глазам. Тетя все так же повторяла раз за разом свое сообщение, а дядя лежал на земле и не шевелился. Внезапно один из блюстителей заметил, как женщина машет руками. Сама Мария не могла видеть полицейского и продолжала отчаянно жестикулировать.

— Тетя, не надо! — взмолился шепотом Тимка, видя происходящее.

Но полицейский не торопился что-то предпринимать. Он некоторое время внимательно следил за тетей, а когда определил направление — подбежал к прожектору и принялся поворачивать его в сторону хибары. Яркий свет неторопливо скользил и словно бы подметал равнину, ненадолго задерживаясь на кочках. Луч приближался. Он был уже совсем близко, а Тимка все еще замороженно наблюдал за ним и никак не мог стряхнуть с себя оцепенение. Еще немного и свет будет здесь, тогда конец. Неожиданно луч замер. Тимка поднес к глазу окуляр и увидел, что тетюшка, прихрамывая, бежит в сторону выпаса, в темноту. Луч прожектора метнулся за ней. К нему присоединился второй, а там и третий. Яркие лучи сошлись на ее фигуре, и офицер начал стрелять.

Звуки выстрелов словно бы пробудили Тимку. Юноша сообразил, что Мария отвлекает полицейских, дает возможность сбежать ему, непонятливому своему племяннику. И он, крепко сжимая медальон в одной руке, а бинокль в другой, побежал к бухте. Послышалось еще два выстрела, раздался короткий вскрик. Тимка шумно дышал сквозь стиснутые зубы, молясь про себя, чтобы с тетюшкой все было в порядке.

Перемахнув через Камень, Тимка зашел по горло в фосфоресцирующий океан и, обогнув правую скалу, побрел вдоль гряды. Быстро идти не получалось — толща воды сопротивлялась каждому движению, поэтому сейчас главной задачей было затаиться среди камней, пока все не утихнет. Вряд ли полицейские ограничатся только фермой и не выйдут к бухте. Наверняка и на камни выйдут посмотреть, но там заметить человека практически невозможно: при зеленом свечении воды все предметы будут казаться черными. А поскольку гладкие валуны имели самые причудливые формы, то бродить там можно до утра. Конечно, они могли напрячься и прожекторы подтащить, но это мало поможет. От лучей всегда можно скрыться между камней.

Бинокль, который парень держал за ремешок, ударился о камень. Жалобно звякнуло стекло. Тимка попытался нащупать линзу, но она, судя по всему, выпала. Жаль, хороший был прибор. Без линзы он не слишком годился и для одноглазых. Разум говорил, что от бинокля лучше избавиться, чтоб не мешал: машина увесистая и вдобавок сломанная, но парень никак не мог решиться его выбросить. Сейчас, когда Тимка лишился родственников и дома, любая вещь из недавнего спокойного прошлого казалась великой ценностью.

На скалах—зубах запрыгали отблески фонарей. Судя по всему, полицейские поняли, что поиски на ферме уже бесполезны, и подошли к самому морю. Тимка ждал. Вскоре лучи забегали по камням и отразились от воды. Юноша вжался в валун. Надобности в этом не было, поскольку луч фонарика слишком слаб для такого расстояния, но страх был сильнее здравого смысла.

Вскоре мелькание фонарей прекратилось. По всей видимости, полицейские ушли, но Тимка понимал, что не стоило торопиться с возвращением. Возможно, за Камнем организовали засаду и поджидают, когда лопоухий юнец угодит в расставленную ловушку.

Издалека слышался такой звук, будто где-то едет трактор. Он доносился откуда-то сзади, и Тимка повернулся в ту сторону. Громкость медленно нарастала. Звук походил на работу двигателя какого-то суденышка. Но в таких местах ночью и, уж тем более, в непосредственной близости от скал мало кто решится на прогулку. Скорее всего, это какой-нибудь

полицейский катер. Его вызвали на подмогу, чтобы поискать беглеца со стороны океана. И, пожалуй, у них есть все шансы преуспеть в поисках.

Словно в подтверждение выводов парня, из-за дальней скалы блеснули лучи прожекторов. Между камней не схорониться: прожекторы тщательно обшаривали каждый закуток. Бежать же по камням — верный способ свернуть себе шею. Оставалось лежать и ждать, когда он, Тимка, окажется в освещенной зоне. И никакой надежды спастись.

Небольшое судно, громко пыхтя мотором, двигалось вдоль камней, практически вплотную к ним. Даже зная, что вот-вот попадет, Тимка не мог не восхититься мастерством и смелостью рулевого. Так лихо маневрировать у прибрежных скал мало у кого получалось. Колеса судна громко шлепали по воде, и лишь время от времени слышался громкий скрежет — это когда колесо левого борта наезжало на невидимый под водой валун. В такие моменты платформа качалась, а лучи прожекторов лихо отплясывали фантастический танец на черных спинах камней. За катером на воде далеко тянулись ярко фосфоресцирующие «колеи».

Луч облизал Тимке ноги. Парень все еще сжимал в руке медальон, но уже подумывал, чтобы выбросить его в океан. Пусть уж никто не отыщет эту, как оказалось, очень опасную побрякушку. И особенно полицейские. После всего, что они натворили, она ни в коем случае не должна им достаться.

Юноша разжал ладонь и тут увидел, что медальон вроде как светится. Неяркое голубоватое свечение внутри рисунка было совсем слабым, но все же заметным. Сложив ладони ковшиком, Тимка смог рассмотреть, что в глубине поблескивает какой-то символ, непонятно как висевший внутри ажурной «клетки». Раньше его точно не было, в этом юноша мог поклясться. А самое удивительное, что точно такой рисунок, простой и одновременно сложный, ему однажды где-то попадался на глаза — перечеркнутый по диагонали овал, правую дугу пересекала короткая горизонтальная черточка. Спустя мгновение Тимка вспомнил: так выглядела татуировка, которую он случайно увидел на руке учителя. Мальчик хотел тогда узнать ее значение, но промолчал, постеснялся спросить. Мало ли как отнесется человек к подобному вопросу. Например, у дядюшки на груди была наколота лукаво улыбающаяся русалка с большой грудью и факелом в руке — память о Боевой флотилии в войне Солнечного Берега и пустынников. Но дядя очень не любил, когда его начинали расспрашивать о войне, и мог легко отвесить подзатыльник. И вот сейчас Тимка жалел, что не спросил учителя о символе. Наверняка это что-то важное, раз может невесть как светиться, словно светлячок. Вдруг там, в этом медальоне, заключено спасение, просто надо знать, что делать. Тогда такую штуку выбрасывать нельзя.

Лучи прожекторов катера сошлись на распластанной человеческой фигуре и, покачиваясь, замерли. Юноша сжал медальон в кулаке, робко надеясь, что этот волшебный амулет может сделать человека невидимым. В сказках нечто такое случалось, почему бы чуду не произойти сейчас, когда оно очень нужно.

— Не двигаться! — рявкнул полицейский в рупор, разбивая робкую надежду вдребезги.

Жестяной отзвук добавлял голосу угрозы. Одновременно в небо взметнулся луч одного из прожекторов и то длинно, то коротко замигал: по-видимому, отправлял сообщение. Тимка попытался прочесть, что значат вспышки, но полицейские использовали свой код. Можно было лишь предположить, что катер оповестил о поимке беглеца. Наверное, на ферме все уже сворачивают. Эх, если бы удалось как-то добраться до бухты. Там уже никто не поймают. Но ничего не выйдет: катер в любом случае двигается быстрее человека, если, конечно, последний не бежит, перепрыгивая с камня на камень. А это практически невозможно. Вряд ли даже тренированные циркачи на такое бы отважились, не говоря уж о крестьянине, пусть и молодом. Получится весьма замысловатый способ самоубийства.

Катер остановился точно напротив камня и лишь еле заметно покачивался на двух своих огромных колесах. Стало слышно, как тихо шипит в литальтоновой платформе пар, поддержи-

вая в ней нужную температуру. Правильно, они же не рассчитывают останавливаться надолго, поэтому нет смысла выдвигать якоря и экономить топливо.

Подчиняясь приказу, Тимка не шевелился, ему оставалось лишь покориться судьбе и следить за происходящим. Вот с катера спрыгнули в воду двое полицейских, забрались на камни и пошли по ним, тщательно выбирая путь. Даже несмотря на темноту, люди в форме двигались довольно уверенно. Видимо, они занимались подобным делом не первый раз.

И тут водная гладь словно взорвалась. Метрах в двадцати от катера из воды выпрыгнуло нечто большое, серебристое. Непонятная рыбина подлетела в воздух на добрых три метра, ярко сверкнула в свете прожекторов и тяжело рухнула в воду. Полицейское суденышко качнуло, лучи тут же зашарили по воде, стремясь отыскать непонятную штуковину. Тимке показалось, что он узнал ее, ту самую «железяку», что еще сегодня утром болталась в заливчике и не подавала признаков жизни.

Полицейские, приближавшиеся к Тимке, оглянулись и замерли. Лучи катера нащупали штуковину, и стоявшие на палубе открыли пальбу. В свете палубных фонарей было видно, как к перилам подбегают люди с ружьями и присоединяются к товарищам. «Железяка» немного покачалась на воде, затем выпустила в воздух длиннющий фонтан и буквально одним прыжком покрыла расстояние до катера. Громыхали выстрелы, пули звонко стучали по серебристому металлу, однако штуковина их попросту игнорировала и тихонько покачивалась в нескольких метрах от борта. Казалось, ей все безразлично, но это было не так. «Железяка» каким-то образом наблюдала за происходящим и могла оценить степень опасности. Когда один из полицейских начал наводить на нее палубную скорострельную пушку, штуковина резко рванула вперед и протаранила катер.

От мощного удара даже большой камень, на котором лежал Тимка, дрогнул. По-видимому, штуковина пробила литальтоновую платформу. Из пробоины тут же ударила мощная струя пара. Полицейским, что пытались добраться до юноши, стало теперь не до арестов: они заспешили обратно к судну. Но добраться не успели — громыхнул очередной взрыв. Он был не то чтоб слишком сильным, однако катер буквально исчез в облаках пара. Причем таких густых, что качающийся свет уцелевшего прожектора казался неярким кружком.

Поскольку полицейским стало не до жертвы, то грех было не воспользоваться таким случаем. Тимка сполз с камня и так быстро, насколько это было возможно, направился к бухте. Он успел отойти не так уж и далеко, когда прогремел еще один взрыв. И на этот раз громыхнуло на славу. Хорошо, что в этот момент Тимка переходил небольшое озерцо, огороженное валунами. Сперва ударило очень сильно по ушам: все звуки враз смолкли — остался только тонкий звон. А затем поднявшаяся волна прокатилась по камням. Парня накрыло с головой и протащило по дну. Он вынырнул, отплеывая песок, но остался вроде бы невредимым. Застань волна его наверху — не обошлось бы без переломов, а то и чего похуже.

Когда после взрыва все успокоилось и вернулся слух, Тимка не спешил покинуть озерцо. Он решил немного подождать, поскольку столь мощный грохот наверняка привлечет внимание полицейских, если они оставались на ферме. Так и случилось. Спустя непродолжительное время над водой замелькали лучи фонарей и послышались голоса, а несколько позже вспыхнул яркий свет — подтащили прожекторную станцию. Хотя с такого расстояния разглядеть человека было невозможно, Тимка на всякий случай присел пониже. Луч скользнул по валунам, по морю, снова осветил камни. Раз за разом полицейские обшаривали океан и скалы. Похоже, что искали они вовсе не человека, а катер. Но в свете прожектора можно было разглядеть разве что крупные обломки, а таковых осталось немного. Напрашивался вывод, что сюда скоро отправят другой катер, чтоб искать уцелевших, а то и вовсе спасательный пароход снарядят. Во всяком случае, как только свет прожектора погаснет, надо убираться с камней подальше.

Луч еще несколько раз прошелся по камням, а затем исчез. Чуть погода пропали и светлячки фонариков. Выждав для верности еще немного, Тимка выбрался из озерца и попытался

рассмотреть хоть что-нибудь, но вокруг, если не считать небольших пятнышек зеленого свечения, царила крошечная тьма. Потрясенная происшествием вода уgomонилась и теперь привычно хлюпала и сипела в камнях, но под ногами никто не суетился. Вся здешняя живность затаилась, испугалась взрыва. И немудрено: солидно шарахнуло. Это котел рванул, тут уж не ошибешься. Поскольку пробоина оказалась большой и, видимо, где-то посередине — литальтоновая платформа разломилась. Люди оказались в воде. А поскольку якоря не выдвигали, то корма, где как раз и находились котел и машина, тут же ушла под воду. Затем раскаленные стенки котла не выдержали, и он взорвался. Мало шансов, что кто-то из находившихся на судне или поблизости выжил. А если вдруг кому и повезло, тот уж наверняка выбрался на камни и будет там сидеть в ожидании помощи.

Осторожно переползая по валунам, Тимка добрался до скал бухты и остановился. Он вглядывался во тьму, пытаясь разглядеть отблеск фонаря или прожектора, но заметил только какие-то красноватые всполохи на скалах бухты. Юноша остановился и прислушался. Он думал, что вряд ли полиция оставила тут засаду: ведь и сигнал был о поимке, и взрыв, и шум. Кого им теперь тут ждать? И все же, после всех сегодняшних происшествий, Тимка осторожничал. Даже трусил, что вернее всего. Он боялся сделать шаг из-за скалы и оказаться на открытом пространстве.

Чтобы выйти из-за скалы, потребовалось собрать всю свою волю в кулак. Очень тихо, стараясь избежать малейшего всплеска, он сделал шаг и замер, ожидая слепящего луча фонаря, бьющего с вершины Камня. Тимка даже приготовился зажмуриться, однако все оставалось спокойно. Вдали слышался треск, крики животных и птиц, но поблизости было тихо. Он еще чуточку помедлил и быстро подошел к крутому каменному боку упавшей скалы. И опять встал, прислушиваясь. Затем привычно взобрался на Камень и замер. Ночью-то нет, но днем отсюда ферму было видно как на ладони. Но сейчас все подсвечивало багровое зарево пожара. Горели постройки, пылал дом, а от его, Тимки, хибары остались лишь тлеющие головешки. Пожар этот страстно пожирал все. Он наводил ужас на животных. Мычали коровы, запертые на пастбище, визжали мечущиеся по двору свиньи, крикивали птицы... Тимка на миг даже испытал какое-то чувство благодарности к полицейскому, который пожалел животных и выпустил их из загонов. Выходит, не все они такие сволочи, как тот офицер, что-то человеческое и в них есть. «Насилие не помогает решить вопросы, а только превращает их в проблемы», — говорил учитель, разнимая драчунов.

Тимка стоял и смотрел на огонь, не замечая, что стиснутый в кулаке медальон глубоко поранил кожу и теперь кровь, стекая по костяшкам пальцев, капала на Камень. На глазах юноши навернулись слезы. Дядя, тетюшка... Кроме них никого из родственников на всем белом свете нет. Дом, книги, мечты... Сгорело все: прошлое, настоящее и, наверное, будущее. И все из-за него, из-за Тимки. И из-за учителя, что зачем-то передал медальон с дурацким символом внутри. Бесплезная игрушка.

— Будь ты проклят! — сквозь зубы простонал парень и разжал кулак.

Окровавленный медальон с тихим плеском упал в черную воду, а юноша, спрыгнув с камня, побрел к берегу. Ему стало все равно, что или кто ждал на суше. Совершенно безразлично. Даже пуля — пускай. А так и лучше...

Тимка шел и не видел, как за его спиной, в том месте, куда упал медальон, появился над водой тонюсенький голубой лучик. Он уперся в небо, расширился, превратившись в конус, и запульсировал. Свет этот был виден лишь пару мгновений, а потом исчез, как не было.

Глава 3

«...а в горьких слезах блестело зарево нового дня».

Уже совсем не таясь, Тимка прошел мимо сгоревшей хибары к месту, где стояла ферма. От построек уже мало что осталось: они догорали, как и сам дом. Разум отказывался понимать,

почему надо было стрелять в людей и сжигать их жильё. Зачем все это? Что теперь делать? Тимка безучастно смотрел, как догорает жизнь, что была столь прекрасной еще утром. И не осталось ничего, кроме светлой памяти о ней. Он знал, что отсюда надо уходить. Безразлично куда, лишь бы не стоять на месте, лишь бы оказаться подальше от себя настоящего.

Он прошел к воротам, туда, где лежало тело собаки. Присев на корточки, юноша коснулся пальцами окровавленного бока старого друга и отдернул руку, почувствовав холод вместо привычного тепла. Седая морда Бобика казалась черной от запекшейся крови. Тимка подsunул руки под холодный бок, поднял собаку и отнес ее на окраину пастбища. Там он осторожно, словно боясь разбудить, уложил Бобика на траву и погладил его. Слез уже не было — только горечь и недоумение.

— Зачем? — хриплым голосом спросил у сереющей предрассветной мглы Тимка, но ответа не было.

Чтобы похоронить друга, юноша сходил к прицепу за лопатой, выкопал рядом с телом неглубокую могилу и бережно положил в нее останки пса. Прощаться долго было некогда: светало, и серые предутренние сумерки вот-вот прорежут первые солнечные лучи. Совсем скоро тут будет полно народу. Глотая слезы, Тимка быстро закидал могилу землей и выбросил лопату за ограду.

Стало светло, над горизонтом показались робкие солнечные лучи. Ближе к лесу по пастбищу бродили животные. Коровы и свиньи жались ближе к деревьям: они еще не оправились от ночных событий. Что делать с живностью — непонятно. Свиньи — ладно, но коров надо доить. А птица? Без укрытия, да еще без Бобика, все пернатые станут легкой добычей любого хищника, что наведаются обязательно если и не сегодня днем, то уж ночью — наверняка. Одна надежда, что соседи не дадут пропасть скоту: обнаружив, что фермы больше нет, они заберут животных к себе.

Размышляя о судьбе хозяйства, Тимка вдруг подумал о том, как хорошо дядя сделал, что перепахал широкую полосу земли между пастбищем и усадьбой. Будь здесь трава, огонь мог перекинуться сюда, и животным пришлось бы несладко. На самом-то деле полоса была сделана ровно для обратного: если загорится лес, а за ним и пастбище, чтобы огонь не перекинулся на постройки. В сезон, когда ветра несильные и дуют со стороны леса, это вполне действенный метод защиты. Но сейчас все отлично сработало в обратную сторону.

Вдалеке послышался слабый звук. Тимка прислушался. Вроде бы колокол звонил где-то за лесом. Так обычно оповещала о своем прибытии пожарная команда. Ехали поздно не потому, что только заметили дым — ясно дело, зарево пожара наверняка видно было даже в Эйлере, — но полиция не пускала. А сейчас тут и тушить нечего. Но встречаться с ними Тимке не было никакого резона, даже если пожарные ехали одни, без полицейских. У них в любом случае возникнет множество вопросов, на которые не так просто дать вразумительные ответы. Пришла пора уносить отсюда ноги. Не колеблясь более ни секунды, Тимка побежал к трактору.

Машина стояла на своем обычном месте и от огня практически не пострадала, если не считать вспучившейся кое—где краски. Стена, подле которой летом ставили трактор, была сложена из камня и защитила от огня, бушевавшего внутри постройки. Будь дело зимой, то от «Хоппера», который в холода обогревал дом, не осталось бы ничего, кроме груды обгоревшего металлолома.

Тимка забрался в кабину, открыл топку и увидел, что там еще полно брикетов. Как обычно, дядя притушил котел, но оставил топливо тлеть, чтобы вовремя начать утреннюю дойку. Давление было маленьким, ровно таким, чтобы мог вращаться вентилятор конденсатора. Тимка повернул его вентиль и, не дожидаясь, пока лопасти перестанут двигаться, на всю открыл задвижку подачи воздуха. Едва тлевшие брикеты вспыхнули, и давление начало расти. Вскоре заработал нагнетатель, раздувая огонь еще сильнее. Парень отсоединил шланги магистрали и принялся ждать.

Когда до первой метки на манометре оставалось совсем чуть-чуть, пожарный колокол звучал уже довольно громко. Пройдет совсем немного времени, и здесь окажется полно народу. Включая, разумеется, и соседей, если полицейские кордоны сняли всюду. Они, конечно, неплохие люди — всегда помогут, и все же лучше сейчас не встречаться и с ними тоже.

— Есть! — выдохнул Тимка, не отрывавший напряженного взгляда от трубки.

Он разблокировал колеса и потянул рычаг, пуская пар в цилиндры. Трактор тронулся с места. Нажав на педаль тормоза правой колесной пары, Тимка развернул машину и поехал на пастбище. Давление в котле теперь поднималось довольно быстро, а так как никаких прицепов или навесного оборудования трактор за собой не тащил, то можно было всю мощность отправить на разгон. Скорость быстро росла.

Тимке нередко доверяли управление трактором, и он давно научился слышать в гуле и лязге работающего «Хоппера» посторонние шумы. Но когда машина работала в полях, ей не требовалась высокая скорость. Да и дядя вряд ли так же гонял когда-нибудь, даже когда ездил в Эйлер. Он берег машину, на которой, можно сказать, держалась вся ферма. Поэтому когда Тимка переключил рычаги, чтобы выжать максимальную скорость, трактор жутко взвыл и залазгал. К тому же машину теперь так трясло и швыряло, что трудно было удержаться и не сбавить ход.

Опушка леса приближалась. Тимка вцепился в скобы и лишь время от времени нажимал то правую, то левую тормозные педали, стараясь удерживать трактор более—менее на прямой. А ведь еще надо было попасть точно на просеку. Если по ней проехать, то можно попасть на поляну. Они с дядей там оставляли трактор, когда рубили деревья, поскольку оттуда машина не видна. Да и саму просеку, где заботливо восстанавливали дерн и кусты после каждой поездки, сходу не обнаружить.

Было дело, что как-то новый шериф, когда только вступил в должность, пытался уличить дядю в незаконной вырубке, но только зря прокатался целый день, пытаясь захватить фермера с поличным. Трактор с прицепом, груженым бревнами, до вечера простоял в лесу в ожидании отъезда рьяного полицейского. Одного раза вполне хватило, и с тех пор шериф только заскакивал на чай с вареньем, что до него всегда делал его предшественник, ушедший на пенсию. В конце концов местные фермеры испокон веков рубили тут лес, но сами же засаживали делянки. Пока одни деревья росли, другие использовали на нужды ферм. И лес не страдал, и фермерам было хорошо, а потому закон предпочел дремать, чтоб не нервировать людей, у которых и так жизнь вовсе не мед.

Увидев стремительно приближающуюся к ним машину, животные шарахнулись в стороны, пропуская трактор к лесу. Перед самым въездом на просеку Тимка уперся ногами в тормозные педали и сбросил обороты двигателя. Заскрежетали колодки, пыхтение стало заметно глуше, однако тяжелый трактор тормозил неохотно и въехал на просеку со все еще приличной скоростью. Впереди показался довольно каверзный поворот, в который требовалось входить на малых оборотах и очень осторожно. А если не знаешь, как проходить это местечко, то лучше и вовсе не пытаться. Да вот только сейчас уже поздно отказываться от маневра — слишком близко этот поворот.

Тимка дернул опломбированный красный рычаг аварийной остановки. Из—под колес с громким шипением вырвался пар, что-то заскрежетало и противно захрустело, будто отлетали зубья шестерен. Тимку швырнуло вперед, на рычаги. Он взвыл от боли, но все же уперся двумя ногами в левую педаль. Трактор занесло, и он сильно ударился кабиной о дерево. Тимка приложился головой о стойку, и у него на миг потемнело в глазах. Но дело было сделано: «Хоппер» успел-таки заскочить в поворот. Парень вернул красный рычаг на место и включил пониженную передачу. Но давления в котле едва хватило проехать пару десятков метров. Впрочем, и этого расстояния хватало, чтобы трактор некоторое время не смогли обнаружить со стороны пастбища. По следам разве что, но поди их различи на вытоптанной земле.

Тимка выключил нагнетатель, перекрыл доступ воздуха в топку и разблокировал клапан автоматического слива. Теперь, когда температура в котле достаточно снизится, а топка погаснет, вода из магистралей вытечет сама. Покончив с делом, юноша откинулся на спинку сиденья и некоторое время наслаждался покоем. Шелестели листья, потрескивал остывающий металл и тихо шипел пар в приводе вентилятора. Звуки привычные, простые, понятные. Можно сказать — умиротворяющие. Ничего постороннего не было слышно, в том числе и колокола пожарных. По всей видимости, огнеборцы прибыли на место и приступили к тушению. Им сейчас не до того, чтоб звонить. Тимка прикрыл глаза. Ему ясно представилось, что вот сейчас из-за деревьев выйдет дядя и скажет, что хватит уже торчать без дела. Как же сейчас хотелось такого чуда! В книгах сказки всегда заканчивались хорошо, так почему же и наяву такому не случиться? Тимка открыл глаза, но никого не увидел. Он даже немножко подождал, прислушиваясь к шуму леса. Но сказки живут только на страницах книг, такова уж их природа.

До слуха парня донесся одиночный удар пожарного колокола. Скорее всего, кто-то в суете случайно задел веревку, но громкий звук вернул парня к реальности. Надо отсюда уходить. Возможно, да даже наверняка, никто ничего и не заметил. Но если кто-то все-таки видел въезжавший в лес трактор, то гости сюда наведуются обязательно, каким бы защищенным это место ни казалось. Покончат с текущими делами и придут.

Встав на сиденье, Тимка сдвинул металлическую пластину, что закрывала промежуток между стеклом и крышей кабины. В тайнике он нашарил кобуру с револьвером, патронташ и нож с ножнами. Про это местечко юноша знал давно и подозревал, что остальные фермеры тоже не выезжали безоружными, однако никогда сам сюда не лазил.

Судя по отсутствию пыли, дядя не так давно наведывался в тайник. Может быть, просто почистить оружие, а может, и по делу. Несмотря на периодические рейды полиции, бандиты на дорогах иногда попадались, и время от времени фермерам приходилось держать оборону, ибо на тракторе от автомобиля не удрать. При всем при том закон прямо и недвусмысленно запрещал выносить оружие за границы фермы. Городские полицейские прекрасно знали, что на этот закон народ поплеывает, и могли учинить внезапный обыск. Потому-то фермеры и оборудовали себе тайники кто во что горазд.

Надев пояс, Тимка вытащил из кобуры револьвер и осмотрел его: оружие было смазано, вычищено и заряжено. Нож тоже выглядел вполне ухоженным. Парень осторожно попробовал пальцем кромку лезвия — острое. Удовлетворенный осмотром, он убрал оружие, достал из —под сиденья оплетенную ремешками из растрескавшейся кожи флягу и потряс ее. Похоже, жидкости там оставалось на доньшке. В этой фляге дядя обычно возил самогон, но емкость прекрасно годилась и для воды. Тимка открутил колпачок, вылил остатки сивухи на траву и повесил флягу на шею. Затем снял с крючка фонарь и отправился через поляну в лес, к месту, где бил из—под земли ключ. Но, сделав несколько шагов, остановился и оглянулся на трактор, прощаясь с машиной. «Хопер» наверняка найдут и заберут, тут уж ничего не поделаешь. Было невыносимо жалко оставлять трудягу на произвол судьбы, фактически отдать в неизвестно чьи руки. Парень привык к трактору. Не то чтобы считал машину живым существом, но относился к ней тепло и уважительно. И теперь приходилось расставаться. И тут ничего не поделаешь.

Тот чистый ключ, где они с дядей утоляли жажду, все так же бил из—под земли. Тоненький ручеек, прихотливо огибая деревья, бежал к невысокой каменной гряде и нырял под валуны, под которыми шумела подземная речка. Большая там река или нет — трудно сказать: воду не увидеть, только услышать. Но дядя говорил, что там, глубоко внизу, воды предостаточно, а если на длинной веревке опустить между двумя большими валунами лампу, то видно, как по дну пещеры несется бурный поток. Грегор говорил, что сам не раз видел, и, судя по звукам, в словах его сомневаться не приходилось. Но так или иначе, а пещера, по которой текла река, точно была огромной. Как-то Тимка, тогда еще совсем малец, тайком дошел до места, где вода стекала в океан. Тогда поток его не очень впечатлил. Или где-то терялся по дороге, или

река была просто шумным ручьем, но вот огромный черный провал пещеры поражал воображение. Он пугал не только своими размерами, но и какой-то жуткой точностью, словно не вода там трудилась, а сказочные титаны прорезали ход своими мечами. От страха ли, от ледяного холода, которым дышала пещера, но парнишка не рискнул сунуться в темный провал. Даже долго стоять там было страшно: казалось, оттуда смотрит само зло. И Тимка убежал.

Но все же тайна подземного русла не давала покоя. Много раз мальчик внимательно исследовал каменную гряду и однажды наткнулся на другой путь. Его невозможно было обнаружить просто так: он находился под трухлявым стволом упавшего дерева. У Тимки, когда он перелез через ствол, провалилась сквозь кору нога и зависла в пустоте. Ветки и листва рухнули куда-то в черный провал, из которого, как показалось мальчишке, пахло потусторонней жутью. Живо представилось, что великан—оборотень подбирается все ближе, что сейчас клацнет зубами и отхватит ступню. Обдирая кожу, Тимка быстро высвободил ногу из плена трухлявой деревяшки и отбежал подальше. Вытирая со лба пот, он зарекся приближаться к этому месту. Но вскоре любопытство все же победило страх. Через несколько дней Тимка принес лампу и, привязав к ней веревку, спустил в дыру. Вопреки ожиданиям, дно оказалось совсем рядом, и он, готовившийся узреть бездну, почувствовал разочарование. Однако был в этом и серьезный плюс: тут негде было уместиться великану.

Ударив несколько раз по стволу ногой, мальчик немного сдвинул его и просунул в отверстие голову. Когда глаза привыкли к сумраку, который не слишком охотно отступал перед огоньком масляной лампы, Тимка увидел камни, похожие на ступени. В тусклом свете их было видно штуки три — остальные терялись в темной глубине. Очень хотел спуститься и продолжить исследование, но вернулся страх, и он передумал.

Натаскав ветки, Тимка закидал дыру, чтобы до поры скрыть ее от посторонних глаз. О находке он тоже решил никому не рассказывать. Но не потому, что хотел считать тайну только своей — он не знал, как отреагируют родственники. Он хорошо помнил, как за поход по валунам к пещере получил хорошую порцию дядино ремня, и больше не хотелось. Да и вообще, неплохо бы сперва разузнать что-нибудь у взрослых.

Однако попытки расспросить родственников не дали ощутимых результатов. Лишь однажды дядя поведал что-то стоящее. Дело было в лесу, где они заготавливали дрова для плиты. Когда в работе наступил перерыв, они уселись на бревно. Ветер стих, и стал слышен шум воды.

— А кто-нибудь ходил туда, откуда река вытекает? — спросил тогда Тимка, прислушиваясь.

— Да, было дело, — с заметной неохотой ответил Грегор и принялся скручивать сигарету.

— А кто? — продолжал допытываться мальчик.

— Да приезжали какие-то городские аж на двух катерах. Просили слезно, ну и заплатили хорошо, чтоб, значит, полазить. Пещера-то на нашей земле, а значит, просто так лезть не могли. Ну и там сгинули. Шериф приезжал с пожарными, но лезть искать никто не рискнул. Через месячишко Волна прошла, Новый год наступил. А после Волны — ты знаешь, все начисто выметено и косточек не отыскать. И больше никто туда не совался. Да что и говорить — гиблое место, нечего там делать людям.

С той поры они с дядей больше никогда не говорили про подземную речку. Однако Тимка ничего не забыл и как-то в школе спросил учителя. Тот объяснил: — В давние времена река была мощной, полноводной и пробила в камнях соответствующий проход, но за долгие тысячелетия обмелела, пещера осталась. — А ступеньки вода тоже может сделать? — полюбознствовал Тимка. Учитель странно посмотрел на него и ответил: — Конечно! Когда вода долго точит камень, то может сотворить поразительные вещи.

Тогда Тимка ему поверил, как верил всему, что говорил учитель. А когда повзрослел, то уже воспринимал реку в пещере как данность и даже не вспоминал о детском интересе к этой теме. И сейчас, споласкивая флягу ключевой водой, подумал, что пещера могла бы помочь скрыться от полицейских, если те вдруг решат обшарить лес. А ведь так и сделают: увидят, что трактора нет на дворе, и пойдут искать, куда он уехал. Когда найдут — поймут, что беглец где-то рядом, а не погиб. И тогда прочешут лес. В пещере же, если завалить ветками вход, можно спокойно переждать, пока все не уляжется.

Набрав воды, Тимка поспешил к месту, про которое так вовремя напомнил ему бьющий ключ. Было отрадно видеть, что сюда никто не навевывался. Набросанные поверх дыры ветки теперь совсем исчезли под слоем перегноя, а поверх выросла редкая трава. Со стороны ни дать ни взять — простой холмик.

Парень осторожно содрал дерн, аккуратно отложил его в сторону и отодвинул ветки. За прошедшее время дерево, закрывавшее лаз, еще больше сгнило, и юноше не составило труда несколькими ударами ноги расширить проход. Спустившись вниз, Тимка принялся укрывать ветками дыру. Он их укладывал как можно плотнее, чтобы даже свету трудно было проникать сквозь завал. Одна беда: труха сыпалась в глаза, и приходилось часто прерываться. Юноша жалел, что не прихватил из трактора очки—консервы.

Закончив, Тимка критически осмотрел результаты своей работы. Ему не очень понравилось, но все равно веток больше не осталось. Оставалось надеяться, что маскировка скроет лаз хотя бы от поверхностного взгляда.

Тимка открыл дверцу под дном резервуара, достал оттуда плоский пенальчик со спичками и зажег фитилек. К сожалению, света лампа давала немного, поскольку служила габаритным огнем для трактора. Но зато была полностью заправлена, а значит, огня хватит часа на три. Этого вполне достаточно, чтобы добраться вдоль реки до океана, даже если останавливаться через каждый шаг, чтобы подсветить себе путь.

Ступени под ногами были ровными и одинаковыми: вряд ли такие могла сделать вода. По крайней мере, доселе Тимке еще ни разу не доводилось видеть двух совершенно одинаковых вещей, сделанных природой. Да и вручную, если подумать, такое не получится. А здесь — череда неотличимых друг от друга камней. Причем еще и чистых, если не считать самых верхних, что уж совсем удивительно. На эту лестницу обязательно должен был сыпаться мусор, а она выглядит так, словно ее только подмели.

Внезапно стены пещеры осветились. Яркий, слегка желтоватый свет излучали, казалось, сами камни. А затем произошла катастрофа: позади Тимки с тихим шелестом опустилась стена. Ловушка! Парень рванулся обратно и попытался сдвинуть гладкий плоский камень, но тот не поддавался. Тимка стучал кулаками и ногами — все без толку: с тем же успехом можно было пинать стены. Путь наверх был закрыт. Пытаясь избежать одной беды, он по уши вляпался в другую, и теперь новая напасть может оказаться даже хуже той, что грозила. Оставался путь вниз. Он развернулся, однако и здесь его ждал неприятный сюрприз — такая же глухая стена, только светившаяся красным. А ведь и ее совершенно точно не было.

Света от стен было достаточно, поэтому Тимка погасил фонарь и уселся на ступеньку, оказавшуюся неожиданно теплой.

— Хоть в чем-то повезло... — вздохнул парень, устало привалился к стене и закрыл глаза.

Он вдруг со всей отчетливостью осознал, что теперь, оказавшись в ловушке, ему только и остается — размышлять. Наверное, те ученые, про которых говорил дядя, тоже попали сюда. А потом, когда все умерли, красная стена поднялась и их тела смыло Волной. Вот только отчего умерли — непонятно. Хотя произошло ли это от удушья или голода — не так уж важно, в каком облики к ним приходила смерть. «У нее тысяча лиц, но результат всегда один и тот же», — как говаривал священник.

От камней тут было тепло. Тимка расстегнул широкий патронташ с кобурой, положил все это на ступеньку и начал снимать рубаху, когда заметил, что стена впереди исчезла, а проем светится зеленым. Путь в недра пещеры был открыт. Тимка резко обернулся, надеясь, что пропала стена и позади, но она оказалась на месте. Но и так было неплохо.

Подхватив патронташ, Тимка поднялся было со ступеньки, и стена перед ним вновь опустилась. Парень опять сел и с недоумением уставился на светящийся красным камень. Наверное, проход открывался, когда человек долго оставался неподвижным. Проверить догадку не составляло труда. Тимка вновь привалился к стене и рядом положил тяжелый патронташ. Стена немедленно поднялась, а свет поменялся.

— Во как! — прошептал юноша и коснулся кобуры.

Стена моментально опустилась. Тимка убрал руку — стена поднялась. Похоже, что тот, кто управлял пещерой, не хотел, чтобы кто-то продолжал свой путь с оружием. Оставив патронташ на ступеньке, Тимка осторожно сделал шаг вперед. Так и есть: стена больше не вредничала.

С каждой ступенькой шум воды усиливался. Пахло сыростью, но светящиеся стены и камни лестницы оставались сухими. Это казалось непонятным и пугающим. Даже в погребе фермы, чья глубина составляла от силы метра три, стены были влажными, а тут — сухо.

Лестница оказалась куда длиннее, чем сперва представлялось Тимке. По идее, он уже давно должен был спуститься к воде, но впереди виднелись только ступени, уводившие куда-то вниз. Бесконечная лестница, да и только. Воображение вдруг подкинуло идею, что, возможно, он давно умер там, в ловушке, а теперь спускается в преисподнюю, которая уготована людям за грехи, и скоро услышит вопли душ грешников. Ведь если верить проповедям, он, Тимка, грешен, как и любой другой человек, а значит, не может рассчитывать на рай.

Когда юноша окончательно уверовал, что идет навстречу адским мукам, лестница неожиданно кончилась, и он остановился на большой ровной площадке. Все страхи о подземном царстве, где черти топят котлы своих машин брикетами из грешных душ, немедленно испарились. И тут же возникли снова, когда на полу вдруг вспыхнула оранжевая стрелка. Она указывала куда-то вперед, где сгущалась темнота. По спине у Тимки пробежал холодок. Ему очень не хотелось двигаться в указанном направлении, но он вспомнил присказку дяди, когда тот сетовал на городские порядки: — Если уж ты оказался в аду, то слушайся чертей.

Парню эта поговорка показалась сейчас как никогда уместной, и он с замирающим сердцем сделал шаг в указанном стрелкой направлении. Голова закружилась, земля на миг ушла из—под ног и тут же появилась вновь. Не удержавшись на ногах, юноша упал, больно приложившись задом о какую-то твердую поверхность.

Глава 4

"...и с тех пор руки его не могут держать ничего, кроме денег".

В глаза ударил яркий солнечный свет. Тимка зажмурился и затряс головой. Он не мог видеть, но уже понимал, что находится далеко от подземелья. Громкие звуки вокруг, чаячьи крики, запахи горелого топлива и тухлой рыбы... К тому же раскаленный на солнце бетон припекает.

Когда глаза попривыкли к яркому свету, юноша огляделся и сообразил, что оказался в морском порту. Но не Эйлерском — тот был намного меньше, да и грузились там в основном небольшие баржи. Здесь же у причала стоял огромный платформа—пароход. Трубы его, казалось, подпирали небо, а внутри колес, если положить одно такое на землю, наверняка уместилась бы вся ферма. И даже, наверное, вместе с пастбищем. Могучие столбы якорей удерживали гиганта на месте. Немного дальше стояло судно еще большего размера, и над ним неторопливо проплывали изящные стрелы кранов, переносивших крупные ящики из вагонов стоящего напротив поезда. Груз они ставили уже вторым рядом на совершенно необъятную платформу.

Матросы, ходившие по погруженным уже ящикам, переговаривались друг с другом с помощью флажков. Все двигалось, жило, перемещалось. Фантастическое зрелище!

На высокой скале у входа в бухту виднелась башня маяка, казавшаяся отсюда меньше Эйлерской, хотя наверняка это было не так. По берегу тут и там были разбросаны серые корпуса каких-то зданий с полукруглыми крышами. Они тоже выглядели не слишком большими, но когда Тимка разглядел, как из одного такого сооружения выезжает грузовой состав, похожий на игрушечный, то понял, что ошибался. Вероятнее всего, это были склады.

От неумолчного шума, грохота, скрипа порта начинала побаливать голова. Тимка решил, что с него хватит и пора отсюда выбираться. Но едва он успел подняться с бетона, как его движения прервали весьма грубым способом: неведомая сила схватила юношу за ворот и перебросила через какой-то металлический барьерчик. Парень распластался на бетоне, пребольно ткнувшись носом о твердую шербающую поверхность, и закашлялся.

— Жить надоело? — рявкнули сзади. — Мне? — спросил Тимка, пытаясь встать. — Нет, другому остолопу, — съязвил невидимый собеседник.

Юноша наконец поднялся и обернулся. Позади стоял коренастый бородач в сером комбинезоне, по всей видимости — рабочий порта, и нетерпеливо притоптывал тяжелым пыльным ботинком. В левой руке человек держал красные флажки, а правая была сжата в кулак. Незнакомец исподлобья смотрел на Тимку и, казалось, готов был ударить парня, если тот полезет в драку.

— Стой там и не рыпайся, дурак деревенский, — прорычал человек. — Чуть под кран не угодил, ротозей. Не останови я его вовремя — отскребали бы тебя сейчас от бетона. — Какой кран? — закрутил головой Тимка, а потом понял, что гигантская башня на платформе, под которой исчезали далеко отстоящие друг от друга рельсы, была вовсе не одним из зданий порта, а той самой машиной, про которую говорил рабочий.

Человек приготовился было еще что-то съязвить, но тут откуда-то далеко сверху — Тимка даже сперва решил, что с неба — донесся голос: — Эй! Чего там? — Нормально! — задрав бороду, проорал наверх рабочий. — Сейчас пойдем дальше! И Тимке: — А ты стой за той вот линией покуда.

Парень с трудом разглядел полустертую полосу и послушно встал по другую сторону от нее. Человек замахал флажками. Громко засвистел пар, огромные шатуны заворочались, раздался скрежет, и громадная платформа с высоченной ажурной башней двинулась по широченной своей колее прямо на бородача. Из труб надстройки вырывались клубы дыма, где-то в недрах сооружения оглушительно завывало. Звук чем-то походил на тот, что издавал трактор, когда тащил плуг, только гораздо громче.

Тимка присел на корточки и заглянул под днище машины. Из—под литальтонового брюха торчали массивные тумбы опор, оканчивающихся широкими площадками. Расстояние от них до бетонной поверхности — палец не пролезет. По крайней мере, так показалось сперва. А если подумать — больше и не требовалось, коль скоро внизу ровный бетон.

Горизонтально расположенные колеса упирались в желоба рельсов и медленно, но верно двигали все это сооружение. Время от времени из—под днища доносился неприятный громкий скрежет. Скорее всего, звук возникал при проскальзывании колес в желобах. В какой-то момент, когда кран оказался почти напротив одного из судов, рабочий неистово замахал над головой флажками. Результат его сигнализации не замедлил сказаться: шатуны стали двигаться заметно медленней, а от скрежета колес у Тимки заныли зубы. Перед тем как остановиться совсем, машина проползла еще добрых пару десятков метров. Некоторое время спустя из патрубков по краям платформы с ревом вырвались струи пара, а колеса вышли из рельсовых желобов. Тимка сообразил, что кран, по всей видимости, прибыл на место и теперь, как только литальтон остынет, машинист приступит к работе.

Между тем рабочий сунул флажки за отворот распахнутого на груди комбинезона и подошел к Тимке. — Что ты тут забыл? — спросил он, раскуривая трубку. — А я это, здесь, вот... — растерянно мямлил парень, не зная, что ответить.

Он осознавал, что спросить у человека про город, рядом с которым находится этот порт, — навлечь на себя неприятности. Заикнешься — и в полицию отправят, а там показываться уж точно никак нельзя. Но и все время мычать невпопад тоже плохо, надо хоть что-то внятное сказать. Но сейчас, как назло, в голову лезли всякие глупости. Поэтому юноша плел разную ерунду о поездке и о том, как потерялся. В общем, тянул время в ожидании светлой мысли.

Рабочий молча слушал и медленно кивал, при этом не сводя цепкого взгляда с лица Тимки. То ли верил, то ли нет — не понять, лишь время от времени затягивался трубкой и выпускал изо рта клуб дыма. Одно можно было сказать точно: человек этот доброжелательным не выглядел.

— Ну, я пойду? — робко спросил Тимка, закончив повествование.

— Не торопись, дружок, — покачал головой рабочий и выбил трубку о каблук.

— И не трудись больше врать, я вижу тебя насквозь. Что, надоела батраку жизнь деревенская?

— Ну, я как-то вот так... — неуверенно развел руками Тимка, мысленно поблагодарив человека за столь своевременную подсказку. Теперь хоть стало понятно, как вести себя дальше.

— Да не смущайся, такие как ты здесь часто попадают. И мне, например, трудно их за это упрекать, — хмыкнул бородач, протягивая руку. — Владимир. В смысле, меня Владимиром кличут, Вовой.

— Тимофей, — пожал большую жесткую ладонь юноша. — Тимка. — Будем, значит, знакомы. — Вова кивнул и широко улыбнулся, однако взгляд его ничуть не потеплел. — Будем, — не стал возражать Тимка и спросил первое, что пришло в голову.

— А на какой пароход лучше наняться, не подскажете?

— Отчего же? Подскажу, — охотно откликнулся бородач. — Тут полно всяких посудин, где требуется расторопный юнга. Ты чего умеешь? Машины знаешь?

— Ну, так... — неопределенно пожал плечами Тимка. — Помогал дяде с ремонтом трактора, с котлом возился, там, платформу прицепа латал. Да много всего такого было.

— Отлично! — обрадовался Вова, и в глазах его на миг вспыхнул какой-то непонятный огонек. — Сейчас кран встанет, и я сбегаю к одному своему знакомому кепу. Капитану, то есть. Ему помощник механика нужен. Подучишься там рейс—другой, а дальше и сам, глядишь, выбьешься в люди. Лады?

— Здорово было бы! — улыбнулся Тимка.

Его порадовало предложение, но почему-то не отпускало ощущение какого-то подвоха. Не то чтобы он не доверял Владимиру, просто все неожиданно легко складывалось, а так не бывает. Эту истину юноша, несмотря на свой возраст, усвоил давно и твердо.

Платформа остывала долго. Они с Владимиром успели много о чем покалякать, прежде чем одна из опор робко звякнула о поверхность. А вскоре под остальными тяжело, будто жалужась на судьбу, закрипел бетон. Вова сунул трубку в карман, вытащил из-за пазухи флажки и подал знак машинисту. Запыхтел двигатель, тяжелым маслянисто—стальным стуком отозвались механизмы, и кран, развернув стрелу к судну, начал опускать крюк. Запыхтел паровоз, торопливо толкая вагоны вдоль борта судна. Люди в серых комбинезонах занимали свои места, готовились к погрузке.

— Ты вот что, пока покидай в топку брикеты, а я сбегаю к капитану. Лестница и вход в кочегарку с другой стороны, — сказал Владимир, убирая флажки, и предупредил: — Да, и не сходи с платформы на землю, а то мало ли что... — Хорошо, — с радостью согласился Тимка.

Он был вовсе не прочь оказаться в машинном отделении этой потрясающей воображение машины, но когда оказался внутри — его ждало разочарование. Кочегарка была весьма про-

заическим помещением. Мало того, что грязноватым, так еще и практически непроветриваемым. Брикетсы ссыпались в бункер у стены по широкой трубе, заканчивавшейся в полуметре от пола. В общем, ничего любопытного или нового. Чтобы дверь не закрывалась, Тимка подsunул под нее брикет: дышать стало полегче. Подойдя к топке, он поискал рычаг открытия заслонки. Такого не оказалось, но зато нашлась блестящая педаль. Стоило ее нажать — механизм ненадолго раздвигал створки. Времени как раз хватало, чтобы кинуть в огненную пасть пару тяжелых брикетов топлива.

С работой удалось справиться довольно быстро. Собственно, брикетов оставалось на колоснике довольно много, и некоторые даже еще толком не занялись. Тимка вытащил брикет из—под двери и выбрался на платформу, чтоб понаблюдать, как работает кран.

А посмотреть, кстати сказать, было на что. Сперва, правда, стало не по себе, когда при каждом повороте крана над головой проносилась солидная стопка бетонных плит противовеса, но потом Тимка по привычке и перестал втягивать голову в плечи. Отсюда, с платформы, все выглядело очень внушительно. Со стрелы опускается пучок тросов в вагон, а через некоторое время поднимается уже с грузом. Поворот, наклон — и вот уже груз опускается куда-то в недра парохода. Все это действие сопровождали вой гудка, лязг, свист пара, глухое ворчание смазанных механизмов в надстройке.

Тимка обошел сооружение и увидел дверь, за которой, тут уж не ошибешься, и скрывалось само машинное отделение. Увы, но туда не было хода из кочегарки, а дверь была заперта на огромный висячий замок. Единственное, что удалось разглядеть в щелку, — часть косозубой шестерни. Судя по размеру виденного фрагмента — огромной. Когда кран разворачивался, она начинала лениво вращаться. Но однообразное зрелище быстро наскучило, и тогда юноша просто уселся, свесив ноги на краю платформы.

Мимо шли какие-то люди, но уже не в комбинезонах, а в черной форме и одинаковых плоских шляпах с полями. У каждого на поясе висела дубинка полицейского образца. Один из людей неодобрительно посмотрел на Тимку и крикнул: — А ну, за работу, бездельник! Нечего тут прохлаждаться. Наверное, это и были местные полицейские. Чтобы избежать возможных неприятностей, юноша быстро вскочил на ноги и скрылся за дверью. Он даже припер изнутри дверь ломом, чтобы если человек в черном захочет посмотреть, ему не удалось бы войти. Тимка стоял, и сердце его бешено колотилось. Он себе представлял, как полицейский поднимается по лестнице, подходит к двери, дергает ее... Но время шло, а никто не объявлялся. Подождав еще немного, юноша вытащил лом и приоткрыл дверь. На платформе никого не было, да и поблизости никого не видать, но он решил все же не высовываться и дожидаться Владимира тут, в кочегарке.

Надолго ожидание не затянулось. Дверь открылась, вошел Владимир и еще один человек — невысокого роста толстяк. Пожилой лысеющий человек в потрепанном черном костюме и потертых ботинках меньше всего напоминал Тимке капитана судна. Похоже выглядели государственные чиновники, что изредка заглядывали на ферму, хотя все же одежда их выглядела попроще.

Служить под началом такого потрепанного начальника юноше не очень-то хотелось. Наверняка и пароход окажется под стать своему капитану, но выбирать не приходилось: следующая встреча с патрулем могла оказаться последней.

— Подойди-ка сюда, мальчик, — позвал капитан, брезгливо оглядывая помещение котельной. Тимка подошел. — А ты, Вова, займись делом, пока мы беседуем с молодым человеком, — негромко приказал капитан рабочему.

Тот коротко поклонился и послушно вышел.

— Итак, Тимофей, хочешь, значит, стать мореходом, — сказал толстяк, разглядывая юношу. — Дело непростое, требует выносливости. Справишься?

Парень чуточку подумал и кивнул. — Справлюсь!

— Спра—а—авлюсь... — передразнил его капитан с изрядной долей скепсиса в голосе. — Сейчас посмотрим.

Он протянул руки и ощупал плечи Тимки. Неопределенно хмыкнув, зашел сзади и зачем-то похлопал юношу по бокам. Затем снова оглядел его с ног до головы и сказал: — Открой рот.

— Зачем? — удивился Тимка.

— Открой, говорю, — раздраженно повторил капитан. Юноша пожал плечами и открыл рот. — Прекрасно! — произнес человек, явно удовлетворенный осмотром, и крикнул в сторону двери. — Зайди сюда.

Вова, видимо, околачивался где-то рядом, потому что моментально явился на зов. — Ну, чего? — спросил он с нетерпением.

— Отличная находка! — сказал капитан и хлопнул его по плечу. — Ты в Анторе, пожалуй, самый большой везунчик. Пойдем наружу, обговорим детали.

И Тимке:

— А ты здесь подожди.

Парень находился в ступоре, пытаясь сообразить, что же происходит. Антор, столичный порт... Да от фермы досюда не меньше двух сотен километров! Страшно даже подумать, какие силы требовались, чтобы в мгновение ока перенести человека на такое расстояние. Ни одна машина на такую скорость не способна. А ведь в пещере и вовсе никаких машин не было. И тихо, опять же, если не считать шума воды где-то глубоко внизу. Выходит, колдовство случилось. Вот только непонятно, почему неведомый колдун решил забросить его, Тимку, в порт? Не для встречи же с Вовой.

И вообще, происходящее нравилось юноше все меньше и меньше. А осмотр, что произвел капитан, напомнил Тимке то, как дядя покупал у соседей живность для фермы. Тоже рассматривал их со всех сторон, заглядывал в рот. Зачем так нанимать матросов — непонятно. Да и капитан ли это был вообще?

Дверь открылась, и в котельную шагнул Владимир. Рабочий выглядел чрезвычайно довольным. — Все хорошо, мы договорились с капитаном. Иди, поговори с ним. Похоже, тебя берут на судно. — Спасибо, — сдержанно поблагодарил Тимка и вышел из котельной.

Когда он спустился с платформы, капитан неожиданно выудил из брючного кармана стальной браслет, на котором был выгравирован какой-то длинный номер, и протянул его юноше.

— Надень пока на левую руку. — И пояснил: — Это чтоб избежать проблем с полицией.

Особо разглядывать вещицу времени не было, но Тимка успел заметить, что на внутренней части браслета нанесен какой-то сложный рисунок. Как данное украшение могло уберечь от полиции — непонятно. Да и какой смысл в нем вообще — тоже неясно, но юноша безропотно надел браслет на запястье и сжал скобы — замок тихонько щелкнул. В конце концов, везде свои правила. В Эйлере, например, моряки носили медальоны, где любой мог прочесть название судна и личный номер. Наверное, браслет — что-то вроде медальона, но почему тогда названия судна нет? Хотя, конечно, сравнивать — занятие неблагоприятное. Тут и у полиции форма другая, если что.

У Тимки со времен школы не было никакого личного номера, и теперь он даже немножко гордился браслетом — моряк. Ну, почти. Окончательно матросом Тимка станет, когда там, на судне, капитан занесет цифры в журнал.

Они с капитаном шли вдоль причала, но куда точно — Тимка не знал. Да и вообще его сейчас больше занимали разнообразные пароходы, стоящие в порту. Сперва попадались только грузовые суда, некоторые из которых были настолько большими, что даже имели по четыре колеса. Однако за забором, разделявшим порт на две части, стояли небольшие пассажирские пароходы и чем-то походившие на многоэтажные дома лайнеры. Тимка заметил, что в этой части порта было куда чище, чем в грузовой. Тут даже платформы кранов покрашены. Люди

стали попадаться заметно чаще, да и одеты они были хорошо. Особенно женщины. Даже на базаре в Эйлере Тимка никогда не видел таких платьев, шляпок и причесок. И почти прозрачные зонтики от солнца тут были какие-то совсем другие: изящные и легкие. А может, все дело в том, что дамы носили их иначе. Непринужденней, что ли. Мужчины, впрочем, тоже выглядели солидно и богато, не чета эйлерской деревенской публике. Но не только люди, но и здания тут были иными: серые слепые кубы складов грузовой части порта сменились застекленными дворцами из снежно—белого камня. Да и многочисленные дороги, что вились тут меж деревьев, выглядели куда приличней. Опять же, лязг механизмов порта здесь звучал как-то приглушенно, чаще слышались голоса и детский смех.

Вскоре капитан свернул на боковую дорогу, ведущую наверх, к одному из роскошных зданий. Тимка едва поспевал за уверенно шагающим человеком, удивляясь, как у того не сбивается дыхание. Дорога вывела их на круглую, обрамленную деревьями площадь перед зданием. Перед въездом на столбе висела слегка поблекшая вывеска «Гостиница "Старый морской волк"».

— Подожди-ка меня здесь, парень, — приказал капитан, указывая на стоящую в тени деревьев скамейку. — Посиди там и никуда не уходи, а то спадают, неровен час.

— А... — раскрыл рот Тимка и огляделся по сторонам.

— А если кто привяжется — скажи, что ждешь бумаги, и покажи браслет. Все понятно?

— Да.

— Вот и отлично. Я скоро приду.

Капитан толкнул массивную лакированную дверь и скрылся внутри здания. Тимка какое-то время потоптался, а потом все же уселся на скамью. Заняться было нечем, и он принялся рассматривать порт, благо отсюда открывался прекрасный вид. Удалось разглядеть даже стоянку частных суденышек, что находилась на самом краю акватории пассажирской части: крохотные кораблики стояли у плавучих пристаней в несколько рядов. Напротив них на берегу виднелись какие-то домики с вывесками. Что там написано — без бинокля не прочитать, поэтому оставалось лишь гадать об их предназначении. Магазины, забегаловки, где можно вкусно и недорого перекусить и поболтать с людьми, мастерские. Почти как на базаре. Тимка решил, что потом, когда утрясутся все формальности и будет немножко свободного времени, он непременно сходит в те края.

Капитан вернулся не слишком скоро, в руках его были листы исписанной бумаги. Он уселся рядом с Тимкой и разложил их на скамейке. — Так, юнга, поставь подписи тут, тут и тут, — деловито тыкая пальцем на пропуски в текстах, сказал капитан и протянул юноше самописку. Тимка взял ручку, открутил колпачок и посмотрел на перо, чтоб там не висела капля: очень не хотелось посадить кляксу на столь важные бумаги. Примерившись, он старательно вписал в указанные места свое имя. Как он ни старался, но буквы все равно получились кривыми. «Пляшущими», как сказал бы учитель. Впрочем, капитан был, похоже, удовлетворен. Он схватил подписанные бумаги и снова ушел, и на этот раз обернулся быстро. Вместо бумаг в руке его был зажат какой-то плотный свиток. — Так, парень. Пошли. Нам во-о—он туда, — ткнул пальцем в один из лайнеров капитан. У Тимки от радости екнуло сердце. Сразу попасть на такой прекрасный корабль он и не мечтал. Кем бы ни был тот колдун, но он оказал деревенскому пареньку неоценимую услугу.

В порт они спустились быстро. Тимка едва сдерживал себя, чтобы не побежать к прекрасному белому кораблю. Но вопреки ожиданиям они не поднялись на борт прекрасной «Анабель», а прошли дальше. Там, между колес двух огромных лайнеров, примостилось казавшееся небольшим судно.

— Пришли, — сказал капитан, кивая на трап.

— «Белый Лис», — вслух прочел Тимка и вздохнул. Все же судьба вновь подшутила над сиротой. Пассажирский пароходик был древним и дряхлым, хотя и явно ухоженным. В Эйлере

похожая посудина давным—давно стояла на берегу и служила портовым кабаком с названием «Краб и еж». Правда, там, среди домов, она казалась довольно большой, но на то он и берег.

У входа на палубу стоял, опершись на поручень, высокий угрюмый человек в матросской робе с сине—зеленой повязкой на рукаве. Моряк дымил сигаретой и отсутствующим взглядом смотрел на порт. Длинные волосы его трепал ветер. Тимка обратил внимание, что у матроса на груди висел такой же медальон, что и у эйлерских моряков. Наверное, его браслет на руке — отличительный знак юнги.

— Куда? — со скукой в голосе спросил матрос и сквозь зубы сплюнул в воду.

Капитан тет же сделался суетливым, будто не он хозяин тут, а вот этот верзила. — Груз сдаю.

— Ну, иди тогда, — кивнул капитану матрос и снова сплюнул.

Эти порядки насторожили Тимку, но он не подал виду. В конце концов основная его задача — скрыться, исчезнуть. Вроде бы получается — и ладно, а остальное — дело десятое. Они прошли к палубной надстройке и остановились около двери. Тут их встретил другой матрос — невысокий короткостриженный крепыш в застиранной одежде.

— Груз, — лаконично сказал капитан, указывая на Тимку, и протянул человеку свиток.

— Чистый хоть? — поинтересовался моряк, мельком глянув на бумаги. — Да, — кивнул тот, кто выдавал себя за капитана.

— Поднимись в рубку и скажи, что товар принят, там и расчет получишь, — возвращая бумаги, сказал коренастый.

Сопровождающий ушел, а матрос крепко взял Тимку за руку повыше локтя и повел внутрь надстройки. В самом конце короткого коридора крепыш открыл неприметную овальную дверь и втолкнул юношу в маленькую каморку.

— Я скоро приду, — обнадежил человек и вышел.

Клацнул замок, Тимка остался один. В помещении было пусто, если не считать привинченного к полу стула. Парень подошел к крохотному круглому окошку и, потянув за рукоятку, открыл его. В проем тут же ворвался соленый морской ветер, звуки порта и крики чаек. Что бы ни ждало дальше, но здесь и сейчас наверняка лучше, чем на допросе в полиции. А потом и в тюрьму могли закатать. Все знают, что если не повезло попасть под подозрение, то из полицейских лап не выкарабкаться. Подойдя к двери, Тимка дернул ручку — заперто. Эх, все вокруг хоть и кажется относительно безопасным, но зыбко, непонятно. Тот же капитан, который лебедит перед матросами, браслет с узором на внутренней стороне, закрытая дверь... Зачем запирает человека, который пришел добровольно?

Но долго взаперти сидеть не пришлось. Щелкнул замок, и в комнату вошли двое в матросских робах: уже знакомый коренастый крепыш и молоденький смугловатый парнишка, вряд ли намного старше Тимки. Наверное, тоже юнга, хотя и с медальоном. Молодой внес что-то вроде жаровни, похожей на ту, что дядя ставил в холодные дни в спальню, только эта была поменьше. Сквозь решетку виднелись раскаленные угли, пахло жаром. Зачем в такое теплое время нужно отапливать помещение? Одно можно было сказать: в этих местах люди живут совершенно иначе.

— Садись на стул и положи руки на подлокотники, — приказал коренастый Тимке. Юноша, не задавая лишних вопросов, сел. Моряк вынул из кармана веревки и ловко примотал руки парня к подлокотникам, а затем скомандовал молодому матросу:

— Приступай.

Юнга вытащил из-за пояса железный стержень с толстой пластинкой на конце и сунул эту штуку в угли. Коренастый подошел к окошку и зачем-то закрыл его, звуки смолкли.

— Не надо закрывать, а то жарко будет, — кивнув на жаровню, попросил Тимка.

— Будет, еще как будет. — с хитрой улыбкой согласился матрос, а потом вдруг резко вытащил стержень и прижал раскаленную до красна пластину к правому предплечью Тимки.

Сперва в нос ударила вонь горелой плоти, а затем нахлынула боль, от которой потемнело в глазах. Юноша закричал, забился, стараясь вырваться, но веревки держали крепко. Матрос бросил клеймитель в жаровню, достал из кармана пузырек, откупорил и щедро полил ожог каким-то составом. Боль немного унялась.

— Вот ты и собственность Элисанда, дружок, — хмыкнул крепьш. — Теперь немного тут посидишь и отправишься в трюм к другим.

Тимка понял, что влип в куда более гадкую историю, чем казалось. Работотроговцы! Он слышал про такое, но особо не верил. Выходит, он теперь не сам по себе, а чья-то собственность. Законная собственность, причем, коль скоро своими руками подписал бумаги. Поверил каким-то проходимцам. Клейменный раб. И браслет с номером навсегда заменит ему имя. От боли и унижения Тимка расплакался. Слезы текли по щекам, капали на одежду. Но что с них толку теперь? Поздно, все поздно. Скоро его запрут как скотину, и пароход отправится в путь. Вот уже и пар зашипел... Юноше вдруг показалось, что каморка раскачивается, а стены кружатся. Затем вдруг пол под стулом провалился и все поглотила тьма.

Глава 5

«Горек был тот день и солона вода слез его».

Очнулся Тимка от того, что ему на лицо капала вода. Он поморщился и открыл глаза. Человек, склонившийся над ним с кувшином в руках, немедленно прекратил лить воду.

— Ты как? — уточнил незнакомец.

Вопрос не дошел до сознания. Юноша только машинально отметил, что голос у говорившего довольно высокий и при этом с заметной хрипотцой.

— А где я? — поморщившись, спросил Тимка.

— В брюхе «Белого Лиса», дружище, — ответил человек. — В нашей общей каюте почти что класса люкс.

Он обвел рукой крохотное помещение с двумя койками, ведром в углу и крохотным окошком в противоположной от двери стене.

— «Белого Лиса»?.. — пробормотал Тимка, все еще силясь вспомнить, что произошло.

Он с недоумением разглядывал новую свою рубаху из грубого серого сукна и штаны из того же материала. Обшарпанные тяжелые ботинки моряка довершали сей нелепый наряд. Тимка попытался вспомнить, кто и зачем его передел, но не получилось. По-видимому, что-то неладное произошло. Ударили по голове, что ли?

Человек смотрел на парня с любопытством, смешанным с жалостью. Как отметил Тимка, незнакомец был одет точно так же, как и он сам. Униформа? Они в армии? Не похоже...

Понемногу, словно из черной смолы, всплывали предшествующие события. Процесс шел все быстрее, и вскоре отдельные кусочки прошлого соединились в одну картину. Когда память вернулась окончательно, Тимка застонал, поднял руку и посмотрел на клеймо. Практически над самым запястьем глумливо ухмылялась лисья морда. Ожог еще только начал спадать, и воспаленная кожа делала изображение еще более отвратительным. Руку саднило и дергало. Человек, словно понимая, что чувствует сейчас Тимка, полил ее водой из кувшина. Стало немножко легче.

— Пока хватит, — сказал сердобольный незнакомец и пояснил, приподняв кувшин. — Эта вода для питья, и следующую порцию получим не скоро, полагаю. Надо и для утоления жажды что-то оставить. Да, кстати о жажде: если захочешь от чего-то избавиться — делай вон в то ведро и не забывай после как следует крышку прикрывать, а то задохнемся, понятно?

— Ты тоже раб? — спросил Тимка вместо ответа.

— Как видишь, — тряхнул человек браслетом. — А зовут меня Тед, Теодор. Могу еще продиктовать номер, но это надсмотрщикам оставлю. А ты кто, милое дитя?

— Я не дитя, я — Тимка. Тимофей меня зовут. Я с фермы, — обиделся юноша и зачем-то уточнил. — Она рядом с Эйлером.

— Даже так? С Эйлом рядом? Дела. — человек улыбался, покачивая головой. — Фермер из Эйлера, значит... А я тутошний, считай, анторский, и...

Внезапно Тед помрачнел и замолк. Кулаки его сжались, словно он собирался подраться. Тимка благоразумно решил, что пока не стоит уточнять обстоятельства, при которых житель столицы оказался рабом. Вряд ли Тед сейчас захочет вспоминать что-то в таком роде.

— А здесь много таких, как... мы?

— Думаю, голов пятьдесят, если исходить из размеров судна. Не больше шестидесяти — точно, если все официальные. Но, думаю, тут всё на мази: Элисанд не будет нелегалов катать. У него товар отборный, качественный. — Тед снова пригорюнился. — Хоть в этом повезло.

— Это почему повезло? — заинтересовался Тимка.

— Так ведь нелегальный товар возят в тайниках, без света и почти без воздуха. Их, как рыбу, в бочки забивают. Если живыми доезжает хотя бы треть, то торговец все равно в прибыли.

— Но как же так? Ведь они — люди! — сказать, что Тимка был потрясен таким известием — значит ничего не сказать.

— Люди... — Тед вздохнул. — Люди, они, знаешь, разные. Большинство сами влипают по своей глупости. Наверное, так общество само себя от глупцов очищает.

— Но я же не дурак! — разозлился Тимка.

— Судя по одежке, клейму и браслету — дурак. — устало возразил Тед. — И я дурак. И еще целый пароход дураков, кто когда-то посчитал себя самым умным. Я вот сознательно пошел в рабство. Думал, что так решатся мои проблемы. Собственно, так оно и произошло: долги мне оплатили и удалось избежать кое—чего похуже тюрьмы. Но зато теперь я превратился в чью-то вещь, с которой могут сделать что угодно. А стоило оно того? Сейчас мне кажется, что нет. В любом случае я — дурак, и всегда таковым был. Вот и закономерный результат.

Он вздохнул, помолчал немного и продолжил:

— Ну, а кто-то мог, например, бумаги подписать и не прочесть перед этим. Простота и доверчивость частенько приводят к беде. Ты вот как сюда попал? Несчастливая любовь или ферма надоела?

Тимка насупился. Ему было стыдно, что именно он оказался тем самым доверчивым простаком, ухитрившимся не прочесть бумаги перед тем, как их подписывать. А еще обиднее, что люди, которые его облапошили, сами в накладе точно не остались. Наверное, пируют где-нибудь, отмечают удачную сделку.

— А убежать можно? — с надеждой спросил Тимка, заодно стараясь уйти от скользкой темы. — Убежать всегда можно, да только вернут. — Тед поднял руку, демонстрируя лисью морду на предплечье.

— Так клеймо можно и убрать, срезать как-нибудь. — Можно, — не стал спорить Тед. — Но есть еще одна гадость — твоя карточка с гелиографией. После клеймения в камеру не просто так запускают сонный газ. Это для того, чтобы сделать снимок. Теперь, если ты сбежишь, в каждом полицейском участке окажется твоя карточка. Всю жизнь прятаться придется, чтоб хозяину не вернули.

— А если после прибытия сбежать? — спросил Тимка, поглядывая в окошко. — Далеко же отсюда будем, правильно?

— Когда на месте окажемся, тогда подумаем. Кто раньше времени строит планы, тот только бессонницу себе наживает. Тем более что путь, надо полагать, неблизкий. Как говорится: рано или поздно будущее становится настоящим, и тогда крутись с ним как хочешь, а не можешь — не делай ничего.

Тимка хотел было поспорить, но тут недавнее будущее стало настоящим: громко зашипел пар, послышался металлический скрежет, и судно качнулось. Похоже что и вправду оставалось только ничего не делать.

— О! По всей видимости, уже поднимают якоря, — сообщил Тед и выглянул в окошко. — Значит, отправляемся.

— Интересно, куда бы это... — пробормотал себе под нос Тимка, но сосед его услышал.

— Знаешь, мне кажется, что пойдем на тот берег, в Великую Степь. Там много работы для таких, как... мы.

Раньше Тимка часто размышлял о том, что же находится там, за океаном. Сомнительно, конечно, что его населяют только чудища и людоеды, как уверял дядя, но и отрицать было бы тоже опрометчиво.

— А что там, с другой стороны? — спросил Тимка. — Фермы?

— Нет, шахты, где добывают литальтон. Больше такой богатой руды нигде нет, кроме как там. — Тед вздохнул, взглянул в окошко и добавил: — Но это случится еще не скоро. Судя по скорости, с которой движется эта посудина, нам в каюте добрую неделю торчать: сто раз успеем наговориться. А сейчас предлагаю лучше лечь: тут скоро будет жарко и потрясет хорошо при выходе из бухты — на ногах не устоишь.

— Это почему?

— Так ведь суда там постоянно снуют туда—сюда, а выход узкий. Все дно размолотили. Не так давно в газете про это писали. Говорили, что надо отсыпку делать заново, иначе до следующей Волны не дотянуть — суда застревать начнут.

— Ясно, — кивнул Тимка и забрался на койку.

Тед разделся до трусов, завалился на соседнюю и уставился в потолок. Судя по тому, как раскачивался и трясся пароход, дно в бухте и правда не помешало бы выровнять. Уж если в самом начале года все так плохо... Тед, по всей видимости, думал о том же.

— Но вряд ли кто-то что-то будет делать. Через месяц—другой снова катера отправят, чтоб путь показывали. Местами немножко отутюжат и будут фарватеры эти поддерживать. Выгодно городу когда пароходы платят за проводку.

В крохотной каюте становилось все жарче. Открытое окошко помогало мало. Тимка подумал, что скоро тут будет как в печке. Он знал, что перегрев — опасная штука и очень неприятная. Пьешь беспрерывно воду, а потом озноб, тошнота, слабость... Говорят, если как следует прожариться, то и помереть можно.

Пароход завибрировал, качка стала очень сильной. Колеса жутко скрежетали по камням, аж мурашки по коже. Но когда судно, наконец, выбралось из бухты, качка понемногу стихла, неприятные звуки исчезли, а скорость немного возросла.

— Уф, ну и встряска, — пробормотал Тед и оттер пот со лба. — Но сковородка в этом аду куда страшнее. Эти черти и не думают дверь открывать, чтоб проветрить. Так и скопытиться недолго.

Но его прогнозы не оправдались. Послышался шум, а вскоре мимо окошка полетели крупные капли, как будто снаружи пошел ливень. Тед высунул руку, набрал в горсть воды, лизнул и сплюнул.

— Соль. Морская вода. А, вот они что удумали: поливают палубу. Хотят, сволочи, чтоб груз не попортился. Ну, тем легче: будет прохладней, значит.

И впрямь, довольно скоро в каюте стало терпимо. Они по очереди попили воды из кувшина и снова улеглись на койки.

— Дружище Тимофей, — задумчиво начал Тед, — скажи-ка мне, что тебе на ферме-то не сиделось? Ведь наверняка не просто так ты отправился в столицу. Ты ведь там батрачил, так? — Не—е, не батрачил. Я работал на ферме своего дяди.

Тед усмехнулся и махнул рукой.

— Это уже детали. Наверное, даже хуже, что ты работал на родственников.

— Они хорошо ко мне относились, — насупился Тимка. — И...

— ...и ничего тебе, конечно, не платили, — закончил за парня Тед, усмехнувшись. — Я прав?

— Так ведь кров, еда, учеба — они все для меня делали.

— Поэтому ты и сбежал?

— Я сбежал не от них, а от... других, — уклончиво ответил Тимка. — Там пришли, и мне из-за них пришлось бежать.

— Если не хочешь рассказывать — не надо, а то ведь врешь, я слышу. Ну да ладно, теперь все это в прошлом. Одно могу сказать: твои навыки работы на любимых родственниках тебе очень пригодятся. — Тед заложил руки за голову, закрыл глаза и спросил: — А ты что делать-то умеешь, дружище?

— Ну, ухаживать за скотиной, — принялся перечислять юноша. — Трактор чинить, литальтон замазывать, насос перебирал как-то, копал.... Иногда и на тракторе пахал.

— А, в механике, значит, разбираешься? Ну тогда, думаю, не пропадем. Я сам ремонтом всякой техники занимался, в том числе и паровозной. Будем держаться вместе, коллега.

— Будем, — кивнул Тимка.

Заскрежетал замок, и открылась дверь. В нее заглянул бритоголовый матрос.

— Эй, вы, подойдите сюда. Ты, молодой, первый. И грабли протягивай сюда.

Тимка слез с кровати и не без опаски протянул руки. Матрос ловко надел на них тяжелые кандалы.

— Иди в коридор, — приказал моряк юноше и кивнул Теду. — А теперь ты.

В коридоре уже стояла вереница людей в сером. Руки их были скованы так же, как и у Тимки. Стоявшие у выхода моряки держали в руках ружья и не сводили глаз с рабов. Вскоре к Тимке присоединился Тед, а матрос, сняв со стены рядом с дверью кандалы, вошел в следующую дверь. Когда в коридоре стало слишком тесно, моряки вышли наружу и приказали рабам выходить по одному.

— Быстрее! — подгоняли рабов они.

Надо признать, что команду эту люди выполняли с видимым удовольствием. Все и так спешили выбраться наружу, поэтому коридор довольно быстро опустел. Когда рабы столпились на палубе, матросы поднялись на площадку над ходовой рубкой. К ограждению подошел человек в светлом берете и громким голосом объявил:

— Разговаривать друг с другом запрещено. Если кто откроет рот — прогулка закончится для всех. На корме есть место, чтобы справить нужду. У правого борта — душ, у дверей камбуза — кадка с питьевой водой. По команде всем построиться здесь перед входом. И не делайте глупостей, чтобы моим людям не пришлось стрелять. Все.

Как только человек в берете ушел, матросы распределились по площадке и принялись внимательно наблюдать за обстановкой, держа ружья на локтевом сгибе. Похоже, они готовы были стрелять по людям в любой момент.

Не считая вышеперечисленных немудреных правил, во всем остальном рабам на палубе была предоставлена полная свобода. Большинство сразу отправилось на корму, где находился глубокий металлический желоб, по которому насос гнал воду. Правда, некоторые стеснялись оправляться прилюдно, но таких было немного. Покончив с насущным, Тимка заторопился к душу, чтобы поменьше стоять в очереди. Но оказалось, что душ — это просто название. В трубы качали забортную воду и разбрызгивали ее сверху через форсунки. Желаящие сбрасывали с себя одежду и бродили под этим незамысловатым устройством.

Тимка заколебался. Морская вода — не лучшая штука для купания, потом от соли все будет чесаться. И все же не выдержал — скинул одежду и встал под тугие струи. Вода тут же смыла липкий пот и принесла облегчение. И мир сразу стал выглядеть куда веселее, чем до купания.

Прежде чем после душа снова одеться, надо было обсохнуть. Недалекие люди старались выбраться на залитый солнцем участок палубы, но Тимка взял одежду и направился в тени. Морской ветер сушил быстро и попутно, аж до мурашек, охлаждал влажную кожу. Тимка стоял и наблюдал, как неторопливо вертится колесо правого борта. Лезвия грунтозацепов поднимались выше тени и сверкали на солнце. Подобные штуковины, только, конечно, намного меньше, использовались и на тракторе. Если так, то неровные, будто изъеденные кромки свидетельствовали о том, что меняли грунтозацепы достаточно давно. Тимка сравнил толщину металла в местах крепления с толщиной кромки и, поразмыслив, решил, что лезвия еще поработают.

Равномерное вращение колеса и монотонный звук двигателя навевали дремоту. Тимка не стал бороться с сонливостью, уселся на палубу, прислонился к стене и прикрыл глаза. что-то подсказывало ему, что эти деньки могут оказаться последними относительно спокойными.

Наверняка там, на далеком берегу, ждет ежедневная выматывающая работа. Тогда уж лучше сейчас попытаться отоспаться, что называется, впрок.

Тимке казалось, что он только-только закрыл глаза, но когда сверху донеслась команда, что «прогулка закончена и всем построиться у двери», над горизонтом уже висел призрачно—белый кружок Алиры.

Рабов отправляли попарно. Позади охранников стоял человек, который выдавал каждой паре по две кастрюли. Судя по запаху, там находилась какая-то пища. Люди заметно взбодрились, ибо успели проголодаться.

Войдя в каюту, Тед и Тимка тут же принялись за еду. Не то чтобы густая похлебка была вкусной, но она была вполне съедобной. Много картошки и даже солидные куски мяса попадались. К тому же после свежего воздуха и душа есть хотелось немилосердно.

— Первое и второе в одной посуде, — хмыкнул Тед, облистав ложку. — Хорошо, компоту туда не плеснули для комплекта.

Тимка посмотрел на товарища с неодобрением. Нормальная еда, даже довольно вкусная. Могло и такой не быть. Крестьянину, который большую часть жизни проводит в трудах, приходится иногда питаться черт—те чем, а то и голодать. Бывало, буквально на подножном корме выживать — например, как случилось, когда корову искали. Грибы да ягоды с дядей жевали пару дней. После такой диеты любая еда покажется вкусной. Но горожанину этого не объяснить, конечно.

Уложив ложку в кастрюлю, Тимка дождался, когда Тед напьется из кувшина, и допил остатки воды. Едва последние капли успели стечь в рот, по коридору пронеслась команда: — Приготовить кастрюли и кувшины!

Все ближе хлопали двери и звонче гремела посуда. Наконец и их дверь открылась. За ней стояли вооруженный охранник и матрос с тележкой. Тимка и Тед положили в нее кастрюли и передали кувшин. Матрос налил в него воду из большой бадьи, и дверь закрылась.

— Вот, похоже, и все приключения на сегодня, — констатировал Тед, растягиваясь на койке во весь рост.

Тимка не ответил. Он подошел к окошку и принялся смотреть на мелкую волну. Уже почти стемнело. В темно—синем небе ярко горел диск Алиры, затмевая «сестричкины слезы», а над самым горизонтом виднелось зеленое зарево Беллы. Она так и не появится — время еще не пришло, но и просто белые блики на воде тоже выглядели красиво. Интересно, как все будет выглядеть там, куда они приедут? Вдруг не только Белла там покажется, а еще и Цветица раскрасит ночь красным. Вот ведь отъехали не так чтобы далеко, а Алира-то высокогато над горизонтом висит, не ко времени ей.

Даже яркий белый свет старшей из «сестричек» не мог затмить зеленого свечения воды. Волшебная и немного зловещая красота завораживала. Даже неумолчное пыхтение машины парохода и хлопки колес по воде не могли рассеять чары дивной ночи. Тимка вспомнил, что учитель как-то рассказывал о свечении. Мол, это крохотные животные такие, умеют светиться. И даже как-то по-научному это обзывал.

— Биолюминесценция... — произнес он шепотом, когда наконец вспомнил это трудное слово.

Он не хотел тревожить Теда, но тот, оказывается, и не спал вовсе.

— Ты откуда такие слова знаешь, фермер? — любопытствовал он.

— В школе что-то такое говорили, запомнил, — уклончиво ответил Тимка.

— Это хорошо, что запомнил. Я вот ни черта не запомнил из школы, не пригодилось мне, вишь. Все мои знания — из жизни. Да и практические они больше. Я много чего повидал и тысячу профессий сменил.

— Слушай, тебе никогда не попадался значок хитрый такой — перечеркнутый кружочек? — спросил соседа Тимка.

— Это который с черточкой сзади? — опасливо перейдя на шепот, уточнил Тед.

— Он самый, — обрадовался Тимка. — Ты вот что — помалкивай, — проговорил Тед серьезно, лицо его сделалось строгим. — Это запрещенный символ. Я видел, как за теми, кто слишком много об этом болтал, приходили из тайной полиции. Охота на них идет, понял? Никто не знает, куда исчезают люди, понимающие значение этого символа.

— А ты сам? Ты-то понимаешь его значение? — понизив голос до шепота, спросил Тимка.

— Нет. И не жажду, — отрезал Тед, а затем добавил громко: — Ложись-ка ты лучше спать, фермер. Отдыхай как следует, пока есть время.

Совет был дельный — спору нет, но то, что сосед кое-что знал о тайне, которая, похоже, перевернула всю жизнь Тимки, не давало заснуть. Юноша еще долго ворочался на жесткой койке, но в конце концов заснул. Задержись он еще немного у окошка — наверняка бы заметил, как всплыла и тут же ушла в глубину та самая штуковина, что уничтожила полицейский катер. Но к тому времени Тимка видел прекрасный сон про ферму, дядю с тетей и Бобика.

Глава 6

«...и спускался в ад вслед за проклятыми душами. Он плакал и молил Создателя согреть их».

Дни на «Белом лисе» почти не отличались друг от друга. Прогулка, кормежка, еда, вода — все одинаково, в одно и то же время. Разве что заметно похолодало, и желающих вставать под душ становилось все меньше. Давно не брившиеся люди стали напоминать Тимке разбойников. Во всяком случае, примерно так они выглядели на картинках в книжках.

На пятый день прогулку и вовсе отменили из-за холодной погоды. Торговцы берегли товар, поэтому выводили рабов на палубу всего два раза в день, чтобы вылить наполнившиеся ведра. Тимка ежился в своей холщовой одежде не только от холодного ветра, но и от вида океана. Серая вода, подгоняемая ветром, волновалась, стараясь добраться до литальтоновой платформы. И, злясь, что не может достать, разбивала тяжелые волны о колеса, заставляя пароход содрогаться.

С Тедом они теперь практически не разговаривали. Эпизоды из биографий, которые каждый из них был готов поведать другому, закончились. А когда Тимка пытался выяснить какие-либо подробности, Тед отвечал уклончиво и чаще отмалчивался. А потом и вовсе стал отворачиваться к стенке и надолго прекращал всякое общение. Стало совсем тоскливо. В голову лезли невеселые мысли, хотелось плакать. Когда у Тимки начинало щипать в носу, он утыкался в подушку и вспоминал что-нибудь хорошее. Например, свои поездки в Эйлер или походы в лес за грибами. Помогало не то чтобы хорошо, но хоть без слез удавалось обойтись. Как говорила тетушка: «Мужчинам не пристало плакать».

К восьмому дню пути на палубу рабов выпускали исключительно парами, каюта за каютой. Чтобы не замерзнуть, люди передвигались бегом. Матросы—охранники в теплых меховых куртках хоть и держали ружья в руках, но толстые рукавицы вряд ли позволили бы им выстрелить. Наверное, охрана требовалась по какой-то инструкции, но сейчас подобное казалось насмешкой над здравым смыслом.

Теперь окошко в каюте либо Тед, либо Тимка открывали только для того, чтобы проветрить помещение. Но ни так, ни через мутноватое стекло рассматривать опостылевшую свинцовую воду не хотелось. Разве что изредка — поглядеть на серое в беспросветных тучах небо. А однажды Тимка увидел, как мимо окна пролетела белая пушинка. За ней возникла вторая, потом третья... Они падали в волны и исчезали. Тимке никак не верилось, что идет снег, проще было предположить, что повар ошипывает курицу.

— Тед, — позвал он, — подойди! — Опять тебе нейдет, — недовольно пробурчал тот, нехотя поднимаясь с койки. — Нет там...

Он уставился в окошко и замер. — Снег пошел, ты гляди-ка! — он открыл окошко, высунул руку и поймал снежинку; та мгновенно растаяла на ладони. — Замерзшие слезы мира падают с неба. Говорят, так Создатель оплакивает грешников. Эх, теперь мы Солнце не скоро увидим. Где ты, Солнечный Берег?..

Тед отошел от окна и улегся на койку. Тимка подставил ладонь. Снежинки мягко ложились на нее и тут же таяли, оставляя лишь капельки воды. Руки быстро замерзли, и он, вытерев ладонь о рубаху, прикрыл окошко.

— Считаю, что прибыли, — грустно проговорил Тед и добавил со вздохом: — Паршивое местечко нам досталось, конечно.

— Это потому, что снег идет?

— Снег тут всегда, наверное, а то и похуже — лед. Во всяком случае, так было написано в книгах, которые я когда-то прочел. Ледяной край. Что тут хорошего, скажи?

— Не знаю, — пожал плечами Тимка.

— Так вот, в этой самой преисподней и добывают рабы литальтон. И мы тем же займемся.

— А как же...

— Дружище, — прервал Тимку Тед. — Я тебе рассказал все, что знаю, а что касается остального — выясним по прибытии на место.

Они почувствовали, когда пароход подходил к бухте, но все же тут трясло не в пример меньше, нежели в столичном порту. Все Тимке здесь казалось чужим, неприятным. Даже звуки стали какими-то гулкими. Двигатель «Лиса» теперь попыхивал заметно реже, колеса вращались медленнее, казалось, даже пар шипел как-то устало. За окошком проплывали скалы, окаймлявшие бухту, затем показался порт. Пароход кружил по акватории, отыскивая место, затем подошел к причалу и остановился, слегка покачиваясь на колесах. Шум машины стихал. С пронзительным скрипом и лязгом опустились штоки якорей, и раскачка тут же прекратилась. Зашумел выходящий из сопел платформы пар.

— Прибыли, — сообщил зачем-то Тед и громко вздохнул.

Большое океанское путешествие наконец-то завершилось. И хотя Тимка понимал, что в будущем его наверняка не ждет ничего хорошего, он все же тихо радовался, что долгая поездка закончилась. Он открыл окно и разглядывал неведомый холодный мир. Тед ничего не сказал, когда ледяной ветер прошелся по каюте. Он поежился, отвернулся к стенке и накрылся с головой одеялом, словно хотел скрыться от наступления беспросветного грядущего.

В коридоре слышались голоса, шарканье обуви по полу, звон металла — из кают выводили рабов. По палубе тоже грохотали шаги. По всей видимости, людей с парохода куда-то сразу уводили, чтобы не заморозить. Все правильно. Тед как-то говорил, что грамотный и здоровый раб стоит почти столько же, сколько новый трактор. А кто захочет платить за неисправную машину?

Вскоре пришла и их очередь. Вошел матрос и кинул на койку две облезлые меховые куртки.

— Надевайте, — скомандовал он.

Едва Тед и Тимка оделись, как в каюту вошел второй матрос, которого Тед в шутку прозвал «кандалистом». Одетые и скованные, они вышли в коридор, где их уже поджидали укутанные во все теплое охранники.

— Вперед, — скомандовал один из них.

На палубе рабов встречали двое с ружьями, но эти были уже не из числа матросов «Белого лиса». Они погнали людей к приземистому серому зданию. Под ногами у Тимки хлопало, в ботинки затекала ледяная грязная жижа. Хорошо, что пришлось быстро двигаться: холодный ветер моментально выдувал остатки тепла из—под куртки. Когда они подошли к двери, юноша хотел было обернуться, чтобы взглянуть на корабль, но тут же получил ощутимый удар прикладом ружья.

— Не оборачиваться! — рявкнул один из охранников, а затем, когда дверь открылась, скомандовал: — Вперед!

Внутри здания было тепло и сухо. Серый дневной свет с трудом пробивался сквозь узкие мутные окна, его едва хватало, чтобы не спотыкаться о лавки и ноги сидевших людей. Впрочем, большинство мест было свободно, будто мрачный зал строили в расчете на куда большее количество «гостей».

Тимку посадили рядом с какими-то четырьмя бедолагами и цепью соединили его кандалы с массивным кольцом в полу. Люди, сидевшие рядом, несомненно тоже были рабами, но точно не с «Белого лиса»; за время пути лица вынужденных пассажиров парохода примелькались. К тому же эта группа была одета иначе.

Все сидели молча, уставившись в пол. Между рядов бродили люди с масляными фонарями и папками. Они подходили то к одному рабу, то к другому, подносили свет к самому лицу, рассматривали клеймо на предплечье и что-то отмечали в бумагах. Один из таких людей встал перед Тимкой и попросил задрать рукав. Парень подчинился. Посветив на лицо, человек опустил фонарь, взглянул на руку с браслетом, а затем принялся изучать клеймо. Делал он это долго, то и дело сверяясь с документами. Затем снова поднял фонарь и спросил:

— Ты ничего не делал с клеймом?

— Нет, ничего. — помотал головой Тимка

— Гхм, понятное дело...

Человек захлопнул папку и заспешил к группе людей, стоявших около дальней стены. Сидевший рядом раб отодвинулся от Тимки так далеко, насколько это было возможно. Выглядел он испуганным.

— А что случилось-то? — с недоумением обратился к нему юноша, но ответа не дождался.

С клеймом и правда была какая-то ерунда. У Теда вытатуированный лис обладал четкими контурами, а у Тимки рисунок уже к концу пути как бы «поплыл». И продлись путешествие еще пять дней — окончательно превратился бы в уродливое пятно.

От группы отделились двое — один повыше, второй пониже — и пошли в зал. Тимка понял, что идут к нему. Рабы на лавке это тоже почувствовали и почему-то отодвинулись от парня подальше, насколько позволяли цепи. Один даже улегся на пол у ног товарищей. Подходившие были одеты с ног до головы в черное, отчего неприятно напоминали полицейских. Под запахнутыми куртками виднелось оружие: револьверы побольше того, что остался в пещере. Люди остановились перед Тимкой, и тот, что повыше, приказал ему задрать рукав. Пока он вглядывался в лицо юноши, сравнивая его с гелиограммой, его напарник внимательно рассматривал клеймо.

— Один из тех? — наконец спросил высокий и мотнул головой в сторону.

— Не похож, — ответил тот, что пониже. — И стереть клеймо не пытался — точно. Мне кажется просто тавро как следует не разогрели.

— Может и так, — с сомнением в голосе проговорил высокий, но фонарь убрал. — Ладно, товара и так мало, пусть.

— Повезло тебе, — сообщил второй Тимке, нарочито поправляя кобуру. — У нас с такими клеймами не жалуют, знаешь ли. Это все равно что попытка сбежать, а с беглецами тут разговор короткий. А также с теми, — он повысил голос и вперил свирепый взгляд в сидящих, — кто находился рядом с беглецом и не остановил его.

Люди на лавке задрожали от ужаса. Один из них, заросший бородой чуть не до бровей, то ли всхлипывал, то ли молился.

— Значит, этот пойдет в первой партии. Там никто не станет придирается к таким мелочам, — сообщил второй, тыча пальцем в Тимку. — Давай-ка его в зал отведу сразу.

Высокий отсоединил кандалы и приказал юноше:

— Пошли.

Парню показалось, что он услышал, как за его спиной рабы дружно выдохнули. И Тимка отлично понял этих людей.

Вопреки ожиданиям юноши, его повели не туда, где стояла группа людей, а в сторону противоположной стены. По дороге второй вдруг сказал напарнику: — Скажи, чтоб тех, кто там на лавке остался, перевели к остальным поближе и поплотнее усадили. — Понятно, сделаю, — кивнул первый и пошел через зал.

Сопровождающий остановился у стены и нажал на нее ладонью. На вид эта часть ничем не отличалась от соседних, и потому странный жест вызвал у Тимки недоумение. Однако на гладкой поверхности возник прямоугольник, который сперва ушел немного вглубь, а затем

отъехал в сторону. Открылся освещенный проем. Сопровождающий втолкнул туда парня и шагнул следом. Дверь бесшумно закрылась.

Пройдя коротким коридором, они вошли в довольно большое ярко освещенное помещение. Света тут явно не жалели: Тимка даже не мог разглядеть собственную тень. Светильников было так много, что характерное шипение горелок казалось очень громким. Посреди зала стояла длинная лавка без спинки. Всю противоположную стену занимала черная доска. На стоящем перед ней столе лежали мел и тряпка.

— Садись, — приказал сопровождающий, указывая на лавку.

Юноша послушно сел, и на душе у него стало беспокойно. Охранник пристегнул цепь к замку на кандалах и сразу же ушел. Тимка огляделся и подумал, что вряд ли тут кто-то надолго задерживается. И лучше бы это было так: уж очень хотелось пить. Чтобы отвлечься, Тимка принялся рассматривать доску. В стертых надписях удавалось разобрать кое-какие символы, но понять, о чем шла речь, не получалось. Тогда он стал изучать помещение, но кроме пары дверей и доски глазу зацепиться было не за что. Разве что кое—где на белых стенах красовались темные разводы. «Наверное, протекла вода», — подумал он.

Но едва Тимка принялся гадать, на что похожи пятна, как дверь открылась и в зал ввели еще девять человек. Эти немолодые люди были одеты в коричневые хламиды из толстой ткани. На взгляд Тимки, такие штуки вполне могли служить и одеялами. Вновь прибывшие уселись на лавку, их пристегнули к цепям.

Открылась другая дверь, и вошел хорошо одетый человек с папкой. Положив ее на стол, он мельком оглядел рабов. Раскрыл папку и принялся аккуратно раскладывать бумаги на столе, пока вся столешница не покрылась листами. Затем, взяв мел, он начал выписывать на доске номера — те самые, что были выгравированы на браслетах. Справа от номеров появились другие данные. Писавший иногда хмурился и вчитывался в бумаги. Покончив с этим, человек встал у доски и кивнул охраннику. Тот открыл дверь и впустил пятерых разномастно одетых людей. Они встали вдоль стены.

Человек у доски подал знак. Охранник отсоединил цепь у первого раба слева и отвел его на место между столом и скамейкой. Затем осмотрел его браслет и громко продиктовал номер. Аукционист объявил: — Стартовая цена — девять.

Вот оно что — аукцион! Проводился он почти так же, как со скотиной на базаре. Люди у стены тихо посоветовались, и вперед вышел человек в треугольной шляпе.

— Надо бы посмотреть, — прохрипел потенциальный покупатель.

— Разумеется, — кивнул аукционист и приказал рабу: — Раздевайся.

Раб отрицательно замотал головой. Тогда к нему подскочили охранники, содрали хламиду, спустили штаны и задрали рубаху. Голый человек трясся то ли от страха, то ли от стыда. Покупатель осмотрел его со всех сторон, проверил руки, заглянул в зубы. Тимка вспомнил, как дядя Грегор так же торговал корову: тут все было один к одному. Покупатель еще пару раз обошел раба, внимательно пригляделся к шраму на ноге, затем махнул рукой: — Следующий.

К рабу по очереди стали подходить все заинтересованные.

— Одевайся, — скомандовал аукционист, когда интерес потенциальных покупателей был удовлетворен, и сообщил: — Я начинаю торг.

Стало очень тихо. Аукционист обвел взглядом зад и объявил:

— Девять.

Тут же взметнулась рука и цена тут же поднялась на одну десятую. Торги "разогрелись", покупатель поднимали руки, сумма росла. Когда счет дошел до «одиннадцать и два», люди перестали торговаться. Человек у доски три раза хлопнул в ладоши. — Лот продан.

Победитель торгов отдал приличную стопку денег, получил раба, и охранник увел их к двери. Аукцион шел весьма активно и цены, если подразумевались золотые монеты, были

весьма солидными. Десять золотых — это уже огромная сумма. Оказывается, работорговля — весьма выгодное дело.

Как ни странно, но Тимкой всерьез заинтересовался лишь один человек — неприятный тип в длинном сером плаще и грязных сапогах. Сальные волосы свисали сосульками из—под мятой широкополой шляпы. Коллеги покупателя старались держаться от него подальше. Он уже прикупил двух дешевых рабов, за которых мало кто хотел торговаться, и даже взял хромого. Но бедным покупатель точно не был: даже на "неходовой" товар он потратил внушительную сумму.

Торг за Тимку закончился в считанные секунды. Парню даже не пришлось раздеваться донага — он лишь снял куртку и рубаху. Максимальную ставку сделал именно этот грязнуля. Его немного смутило испорченное клеймо, но аукционист что-то объяснил по бумагам. Покупатель кивнул, достал кошелек и высыпал на стол гору блестящих монет. Тимка никогда не видел столько золота. Это, как ни странно, его утешило: коль скоро рабы стоят так много, их не станут просто так уничтожать. Правда была и другая сторона. Чтобы отбить затраченные средства их заставят обрабатывать денно и ночно.

Аукционист смахнул золото в ящик стола. Новый хозяин Тимки сунул бумаги за пазуху и ощутимым тычком в спину подтолкнул своего нового раба к двери:

— Шевелись, дохляк!

При этом Тимку обдало таким «ароматом», что глаза заслезились. Стало понятно, почему от него шарахались другие. Мелькнула мысль, что этот человек — необыкновенный скупердяй, которому дядя Грегор и в подметки не годится.

На выходе охранник снял с рабов браслеты.

— Все в порядке, — кивнул он хозяину, мельком глянув в бумаги. — Проходите.

Около двери покупатель встретился с еще одним типом, но одетым почище. Они молча обменялись рукопожатиями.

— Вон тот, который хромой, — сказал покупатель, передавая бумаги.

Приятель грязнули сверил номер и кивнул:

— Хорошо, что недорого обошелся. — и кивнул. — Мы в расчете.

Но покупатель не слушал его: он вынул кандалы, замкнул их на руках Тимки и другого раба, а затем привязал к цепочке веревку. Ее, в свою очередь, намотал на кулак и прохрипел, тряхнув сальными волосами:

— Ты, мальчишка, будешь у меня зваться Тридцать восемь. А ты — Тридцать девять. Так и будет, пока не отработаете право на свое имя.

Он нетерпеливо дернул за веревку так сильно, что "покупки" едва не упали.

— В следующий раз отвечайте: «Да, хозяин». Ясно?

— Да, хозяин! — хором отозвались рабы.

— Так-то. На первый раз прощаю, но потом буду бить. И учтите, надсмотрщики тоже хлеб едят не даром — отведают кнута, если что не так.

Когда они вышли, ледяной ветер швырнул в лицо Тимке ледяную крупу. Ноги с привычки скользили, и однажды он упал, за что тут же получил удар ботинком по ребрам. — Привыкли к своим теплым норкам, бездельники? Кто из вас, свиней, захочет еще поваляться — получит ботинком по пятаку.

Вскоре они вышли к стоянке грузовиков. Тимка безошибочно угадал машину хозяина: крытое ржавым железом, обшарпанное чудовище. Фургон сильно раскачивался — похоже, был неисправен клапан регулировки подачи пара, из-за чего литальтон слишком сильно разогрелся. Да и двигатель не просто пыхтел, а похрипывал.

— Лезьте внутрь, — скомандовал хозяин, распахивая заднюю дверь.

— Да, хозяин, — уныло ответили те, забираясь в холодное железное нутро.

Хлопнула дверь. Машина тронулась. В кузове не было ни окон, ни скамеек. Трясло немилосердно. Тимка нащупал широкую теплую скобу и вцепился в нее. Похоже, он прижался спиной к стенке тендера с топливом — единственному теплomu месту в этом фургоне.

Ехали долго. Тимка пытался заговорить с напарником, но тот лишь процедил: — Забудь. Тебя теперь зовут Тридцать восемь и никак иначе.

Стало ясно, что напарник — раб со стажем и что доверять тут нельзя никому. Снова навалилось отчаяние. Тимка почувствовал, как слезы текут по щекам. Хорошо, что в темноте никто не видел, как плачет взрослый парень.

Глава 7

«Убоявшись ангелов Создателя, разжал Великий Дракон когти свои»

Грузовик притормозил, хлопнула дверь. Послышались шаги, а затем открылся борт, и хозяин хрипло скомандовал: — Вылезайте. — Да, хозяин, — нестройно отозвались рабы и выбрались из кузова.

После темноты свет снаружи показался ослепительным. Тимка крепко зажмурился и открыл глаза. Полегчало. Хотя, если честно, смотреть было не на что. Грузовик стоял около входа в длинный барак, сложенный из разновеликих камней. Тимка завертел головой, но ничего не увидел, кроме серой пелены. Все из-за проклятых льдинок, что беспрерывно сыпались с неба.

Хозяин вошел внутрь и вскоре вернулся с каким-то свирепым громилой, одетым во все черное. Человек держал в могучей ручище какую-то палку.

— Вот тебе двое новичков, Стас. Сопляка зовут Тридцать восемь, а того, что постарше — Тридцать девять. Покажи им местные достопримечательности, но так, чтобы завтра на работу смогли выйти. Тридцать восьмой, по крайней мере, просто необходим, сам понимаешь.

— Дракону скормим, помню, — тот, кого назвали Стасом, коротко хохотнул.

Лицо у человека, как показалось Тимке, было добродушным, даже дружелюбным. И парень улыбнулся. Стас сделал едва заметное движение рукой, в которой держал палку. Раздался свист, и юноше показалось, что его колени обвила раскаленная проволока.

— Ай! — воскликнул он, невольно присев на корточки.

— Улыбаться будешь с моего разрешения, Восьмерка, — спокойно проговорил Стас, неторопливо складывая бич.

— Понял, хозяин, — торопливо ответил Тимка, поднимаясь.

— Господин, а не хозяин, — строго поправил его Стас. — Хозяином будете звать вон того оболтуса. Это, к твоему сведению, управляющий шахтой. Ну, а я всего лишь надсмотрщик за вами, бестолочами, понятно?

— Да, господин.

Стас молча указал плетью на дверь, и новые рабы прошли в барак. Внутри их встретили тепло и сумрак: светильники едва горели. Наверное, хозяева сэкономили газ. Впрочем, смотреть тут все равно было не на что. Вправо и влево вдоль коридора располагались прямоугольные проемы, завешанные матерчатыми шторами.

— Ваш номер восемнадцать, — сообщил Стас, махнув сложенной плетью вправо. — Пошевеливайтесь.

Только сейчас Тимка обратил внимание, что рядом с дверями намалеваны цифры. Они пошли по коридору, внимательно приглядываясь к номерам. Дойдя до восемнадцатого, надсмотрщик остановился и отодвинул штору. За ней оказалась небольшая комната, где практически все место занимали четыре койки и небольшой столик у противоположной от входа стены, прямо под небольшим полукруглым окошком, как заметил Тимка — забранном решеткой. Парню эта деталь показалась излишней, коль скоро отсюда можно свободно выйти. Но любопытствовать на эту тему явно пока не стоило, а уж тем более выспрашивать что-то у надсмотрщика.

— Тут сегодня освободилась последняя койка, так что выбирайте себе любые. — сказал Стас, хмыкнув, и добавил, — Здесь места часто освобождаются. А пока сбрасывайте куртки и идите по коридору до конца. Там жратва.

В торце коридора находилась дверь, обитая железом. В ее центре было небольшое окошко раздачи с широким подоконником. Стас постучал в нее рукояткой бича. Окошко открылось, в нем показалась лунообразная физиономия с заплывшими глазками.

— Чего тебе? — недовольно спросил человек.

— Мне, Хомяк, ничего, а этим вот, будь добр, выдай тарелки, кружки и не забудь добавить чего-нибудь съестного.

— С чего вдруг? Посуду выдам, а так — пусть ждут смену.

— Они в восемнадцатой, Хомяк, — тихо проговорил Стас. — Им положено сразу.

У толстяка чуть дрогнули веки, он кивнул и, не задавая больше вопросов, скрылся в недрах кухни. Там он довольно долго чем-то гремел, а затем выставил в окошко поднос с посудой. Над тарелками поднимался пар, в кружках тоже что-то плескалось. То ли от голода, то ли и вправду так оно и было, но Тимке запахи, идущие от пищи, показались очень вкусными.

Первым свой поднос взял Тридцать девятый и пошел с ним в комнату. Тимка поспешил за ним. Надсмотрщик же, проводив новых рабов взглядом, остался у кухни. То ли хотел потрепаться с поваром, то ли и сам решил перехватить кусок—другой.

— Поднос вернуть не забудьте! — крикнул Хомяк, когда Тимка уже входил в комнату.

Ели молча. Собственно, во время еды и так-то не поболтаешь особо, но тут и неизвестно, как к полемике рабов отнесется надсмотрщик, если вдруг услышит. Покончив с едой, Тридцать девятый отнес оба подноса обратно, а затем они с Тимкой пошли мыть посуду. Там, в умывальнике, юноша попытался было узнать настоящее имя напарника, но схлопотал удар плетью от невесты как возникшего за спиной надсмотрщика.

— Если ты забыл — его зовут Тридцать девять. А тебя, напомним, Тридцать восемь. Для меня — Восьмерка и Девятка.

— Но я...

Свистнув, бич обвил плечи парня. Металлическая посуда, выпав из рук, с грохотом раскатилась по каменному полу. Тимка аж закашлялся от пронзительной обжигающей боли: надсмотрщик отлично умел пользоваться своим рабочим инструментом.

— Все понятно? — с добродушной ухмылкой спросил Стас, когда парень немного пришел в себя.

— Да, господин, — покорно сказал Тимка, низко наклоняя голову, чтобы как-нибудь случайно не спровоцировать надсмотрщика.

— Тогда подбери все это барахло и вали спать. Завтра будет твой первый очень долгий день. — Да, господин, — громко ответил Тимка и принялся собирать с пола посуду.

Против ожидания, заснул он практически мгновенно и не слышал, когда возвратились другие рабы. Он проснулся только тогда, когда Стас объявил подъем. Юноше показалось, что даже голос надсмотрщика теперь походил на удар бича.

Все быстро оделись и построились в коридоре, но, как заметил Тимка, без посуды. По всей видимости, завтрак тут не полагался. Надсмотрщик прошелся вдоль шеренги, оглядывая каждого раба. Дойдя до Тимки и его напарника, усмехнулся: — Ну—ну.

А когда дошел до конца шеренги, повернулся и скомандовал: — На выход.

Рабы, одетые в куртки, стали выбегать на улицу и строиться в колонну. Тимка дернулся было за своей верхней одеждой, но понял, что не успеваает, и выбежал так. Холодный ветер, все так же швырявший в лицо ледяную крупу, моментально выдул из—под рубашки остатки тепла. Без куртки было совсем тоскливо, но придется потерпеть. Конечно, если шахта находилась где-то близко, то еще не страшно, а вот если далеко...

Не дожидаясь команды, колонна двинулась по дороге, что шла вдоль барака.

— Стоять! — заорал Стас, щелкая бичом. Рабы послушно остановились, но строй смешался. Происходящее явно нарушало привычный распорядок.

— Восьмерка и Девятка — быстро за куртками! — приказал надсмотрщик.

— Да, господин, — хором ответили оба и послушно сбегали в барак.

Вернувшись, они заняли места в арьергарде колонны и теперь ничем не отличались по виду от пары десятков других людей, одетых в такие же теплые серые телогрейки. Стас щелкнул бичом и скомандовал:

— Бегом марш! И нестройной колонной рабы затрусили по дороге.

Как оказалось, шахты находились довольно далеко. Колонна раза три переходила с бега на шаг, прежде чем впереди показались смутные силуэты гор. Самым странным в этом перемещении Тимке казалось то, что люди бегут сами, без понуканий. Рядом не было надсмотрщика, никто не командовал — вроде бы можно спокойно идти. Лишь только добравшись до шахты, он понял, почему они себя так вели: там, на выходе, их ждали те, кто уже закончил смену. Если же будут задерживаться одни, то вторые ответят тем же. А поскольку рабы трудились по двенадцать часов, то времени на отдых оставалось тем больше, чем раньше придет смена.

Стоя в очереди, Тимка наблюдал, как группы угрюмых, с серыми от ввевшейся пыли и усталости лицами рабов выходят из подъемника, а почти такие же сменщики заполняют клеть и спускаются в шахту. Конечно, вновь прибывшие выглядели куда лучше тех, кого меняли, но во взглядах читалась точно такая же обреченность. Впереди предстояло много часов работы в подземных лабиринтах.

Тимка со своим напарником оказались в последней группе. С лязгом опустилась ржавая решетка, зашипел пар, огромные колеса лениво закрутились, и клеть, медленно набирая ход, поползла вниз. Спускались долго. Люди молчали, кто-то даже ухитрялся дремать. И хотя подъемник громко лязгал, а иногда его весьма жестко встряхивало, дремавших это не тревожило, как, собственно, и невнятный шум, интенсивность которого по мере спуска увеличивалась.

Время от времени клеть проползала мимо площадок, за которыми виднелись горизонтальные коридоры. Кое—где висели лампы, но большинство уровней были явно заброшены.

— Интересно, почему так? — пробормотал Тимка.

Получилось громко. Девятка поморщился, а люди, стоявшие в клетке, и вовсе сделали вид, что ничего не слышали. Тимка подумал, что, наверное, на работе разговоры между рабами запрещены. И все оказалось именно так, даже хуже. Едва клеть остановилась и поднялась решетка, раб, первым покинувший подъемник, подскочил к надсмотрщику и что-то ему сказал. Тот кивнул головой, подошел к Тимке и хлестнул его плетью сперва по ногам, а затем наотмашь ударил по лицу рукой в жесткой кожаной перчатке. Вроде бы и размаха-то особого не было, но от удара Тимка отлетел к стене и больно ударился затылком о камень. Перед глазами поплыли яркие пятна, губы онемели, а на языке он ощутил солоноватый привкус крови.

— Здесь рабы молчат, — назидательно воздев палец, сообщил надсмотрщик. — Разрешаются только обращения к надсмотрщикам или предупреждения об опасности. Понятно?

— Да, господин, — едва шевеля распухшими губами, ответил Тимка, поднимаясь на ноги.

— Идем, будешь заниматься уборкой в караулке, — громко сказал надсмотрщик рабу — доносчику.

Судя по завистливым взглядам остальных, эта работа была редкостной удачей. Раб ушел, а колонна двинулась дальше по коридору, пока не добрела до расширения. Здесь на крюках, вбитых в щели, висела рабочая одежда и стояла обувь. Рабы уже принялись переодеваться, когда другой громила—надсмотрщик рывкнул:

— Восьмерка и Девятка — ко мне!

Тимка с напарником быстро подбежали к нему, и тот указал плетью на коридор:

— Идите туда дальше, пока не наткнетесь на рельсы. Там повернете направо, пройдете вперед до пещеры, где стоит большая машина — ваше место работы. Там все объяснят. — Надсмотрщик, зачем-то оглядев с ног до головы Тимку, с сомнением покачал головой и приказал: — Все, шустро побежали.

— Да, господин.

До поворота они двигались бегом, но, добравшись до рельсов, перешли на шаг. Тимка с напарником побрели по тускло освещенному масляными лампами коридору. Никто из них не пытался заговорить. И не потому, что тот мог рассказать надсмотрщикам о болтовне: из-за непрерывного грохота от работавших где-то неподалеку механизмов расслышать бы ничего не получилось. К тому же температура воздуха быстро росла, становилось жарко. Сухой горячий воздух не располагал к беседе — больше хотелось пить. Тимка снял куртку и покосился на напарника, но тот так и продолжал париться в теплой одежде.

Пройдя мимо двух темных боковых тоннелей, они вышли к большому проему, за которым находилась гигантская пещера. Внизу грохотал какой-то большой механизм, не слишком, впрочем, впечатлявший по сравнению с каменными сводами и арками. Над ним поднимался плотный столб пыли. По всей видимости, это и было местом назначения.

Рядом со входом на стене висела одежда, которую, скорее всего, и имел в виду надсмотрщик. В отличие от просторных тканевых костюмов, в которые передевались другие рабы, эти были сделаны из кожи. Кроме того, на крючках висели войлочные широкополые шляпы, отвратительно воняющие жженой шерстью, а внизу стояли ботинки на толстой подошве. Одежда явно знавала лучшие времена: местами кожа протерлась чуть не до дыр, а кое—где покоробилась и потрескалась, словно ее чем-то прижгли. Ботинки, правда, выглядели заметно новее, но зато были тяжелыми. Поскольку выбирать не приходилось, рабы принялись быстро передеваться и, закончив, вошли под своды ярко освещенной газовыми прожекторами пещеры.

Едва они оказались на металлическом балконе, опоясывающем каменный зал, как грохот стих. Исчез и столб пыли, поэтому теперь вся машина была видна как на ладони. Поскольку ничего похожего Тимка не встречал, то не мог даже приблизительно понять ее назначение. Башня — не башня. Какой-то дырявый барабан к ней приделан, лента конвейерная из стены идет. Еще к машине тянулись разнообразные трубопроводы, некоторые были в изоляции. Тимка решил, что это что-то вроде паропровода. Хотя — кто ж его знает...

Когда Тимка и Девятка спустились вниз и оказались рядом с машиной, то поняли, что она на самом деле просто огромна! Гора металла, можно сказать. Правда, далеко не нового, изрядно поржавевшего, но все равно — впечатляло. Сейчас, когда могучие шатуны застыли, а конвейерная лента на стреле, часть которой скрывалась в отверстии противоположной от входа стены, не двигалась, машина показалась Тимке ленивым, но хищным зверем. Наверное, все дело в возникающих где-то в недрах ржавого монстра звуках, будивших долгое эхо. Там что-то звякало, поскрипывало, коротко шипел и посвистывал пар. Бурый от ржавчины хищник до поры чутко дремал, но очень скоро проснется и отправится на поиски добычи.

— Эй, там! — донесся откуда-то сверху хриплый голос. — Вон за ресивером ступеньки, живо ползите вверх!

Железная лестница, про которую шла речь, пряталась за каким-то изрядно потертым клепаным цилиндром. По всей видимости, он и назывался ресивером. Подниматься по ней было страшновато, ибо настил местами истерся до дыр, а перила раскачивались и душераздирающе скрипели. На верхней площадке пришедших встретили двое. Одеты они были в такие же «доспехи», что и Тимка с напарником, вот только сами эти работники выглядели жутко. Лица и кисти рук людей покрывали многочисленные шрамы от ожогов, а у того, что повыше, правый глаз скрывала черная повязка. Тимка старался смотреть на лица этих людей без дрожи, но у него не очень-то получалось. Он опустил глаза и заметил, что у людей нет браслетов с номерами.

— Привет, смена! — ухмыльнулся одноглазый. А может быть, и улыбнулся. Поди угадай, что скрывают искажившие лицо шрамы. Тимка и его напарник молчали. Судя по молчанию Тридцать девятого, тот тоже заметил, что встречавшие не были рабами. По местным законам это означало, что раб обязан молчать, пока ему не разрешат говорить.

— Эй! — не унимался одноглазый. — Можете говорить свободно. Тут вы настолько близки к смерти, что нет какого-либо смысла в дурацких законах. К тому же к Дракону не сунется ни один надсмотрщик, если он в своем уме. А потом и вовсе снимете браслеты и сможете говорить сколько душе угодно.

— Толку-то от этого — чуть, — прохрипел его напарник и протянул изуродованную огнем руку, больше походившую на клешню из-за отсутствующих трех пальцев. — Давид.

Тимка осторожно пожал заскорузлую ладонь и представился:

— Тимофей.

— Тимка, значит. Молод ты еще в Тимофеях ходить. А ты? — обратился Давид к Тридцать девятому.

— Девятка, — сухо представился напарник Тимки, не подавая руки.

— Станный ты... — пожал плечами Давид, убирая руку.

Он то ли не обиделся, то ли просто не показывал вида. В конце концов, под шрамами на руках этих двоих все еще виднелись клейма, а значит, они когда-то были рабами и не могли не понимать тех, с кем общались.

— А меня Стивен зовут, Стиви, — представился одноглазый и сказал: — Что ж, Тимка, будем вас сегодня учить, как управляться с Драконом. Время самое что ни на есть удобное: и порода еще не пошла, и довольно прохладно. Походим и осмотрим механизмы. Только сначала надо от литальной пыли защититься. Она тут всегда и повсюду, но когда вентиляторы работают и горячо — воздух более—менее чистый, вся пыль наверху держится. Разогретый литальтон с собой все тащит. А сейчас без масок никак нельзя: пыль полетит, стоит ее только потревожить.

Они надели какие-то изрядно потрепанные маски с вытянутыми, набитыми непонятной трухой рылами и отправились в путь. Насчет прохлады Стиви, наверное, шутил. Во всяком случае, Тимка воспринял сказанное именно так. Он чувствовал, как по спине сбегает капельки пота. Давид, который, похоже, угадал реакцию новичка, уточнил: — СЕЙЧАС прохладно, а потом... будет потом.

Сперва Стивен и Давид подвели новичков к огромному черному барабану.

— Дракон работает просто: барабан начинает крутиться. Мы пускаем топливо, вон тот диск подтягивается к форсункам, и горючее воспламеняется. Затем в центр барабана сыпется с конвейера руда из дробилки, а факелы ее прожаривают. Разогретый литальтон поднимается в воздух, пустая порода через отверстия сыпается в бункер. Теми шнеками, что внизу, она потом подается в вагонетки и уходит в отвал. Литальтон же всасывается вон в ту трубу с широким раструбом. Ваша обязанность — следить за машиной и заполнением барабана, разгребать завалы, чистить бункер ну и прочее. — Если зевнете, то придется лезть в раскаленный барабан и выгребать застрявшие камни вот этой лопатой, — сменил своего напарника Давид, указывая на шанцевый инструмент со стальным черенком. — Перчатки на руки, воду на тужурку — и в путь. Делать все надо быстро, уходить — еще быстрее, иначе вас завалит рудой.

Примерно час Тимку и Девятку вводили в курс дела, а затем завыла сирена, и наставники бросились к своим рабочим местам. Засвистел и зашипел пар, закрутились регуляторы Уатта, медленно разводя в стороны рычаги—руки с шарами на концах, могучие шатуны раскручивали перфорированный барабан. Машина лягала, гроыхала и тряслась, свистела, шипела, выбрасывала струи пара. Тимка заворуженно наблюдал, как из—под диска воспламенителя посыпались искры и один за другим вспыхнули факелы. Давид приоткрыл вентиль, и пламя

мощно загудело, быстро разогревая чрево барабана. Пахнуло жаром, и стало понятно, что имели в виду старожилы, говоря о прохладе.

Дрогнула лента конвейера, пустые металлические лопатки выползли из отверстия в стене, расположенного напротив Дракона. Оттуда доносились уханье и тяжелые удары; Тимка чувствовал, как от них под ногами вздрагивает металлический настил. Видимо, по ту сторону стены и находилась пресловутая дробилка. Вскоре лопатки стали подтаскивать породу и сыпать ее в барабан. Процесс пошел.

из-за жары уже было трудно дышать, но Давид и Стивен словно и не замечали пекла: каждый сосредоточенно занимался своим делом. Пустая порода в пламени раскалялась и рассыпалась на совсем мелкие кусочки, высвобождая серебристый порошок, который всасывала труба. Литальтоновая пыль поднималась к раструбу мощным потоком, остатки руды через перфорированные стенки барабана сыпались в бункер, где скрежещущие шнеки уносили ее к невидимым вагонеткам.

Время от времени то Давид, то Стивен отвлекались ненадолго и жадно пили воду, наливая ее из крана в большой медный ковш. Все, что не допивали, выливали на одежду. Тимка тоже захотел пить и набрал ковш себе. К удивлению, вода была довольно прохладной. Наверное, ее не хранили в резервуарах где-то тут, а подавали по какому-то скрытому трубопроводу.

В мощный, но привычный уже шум вдруг вплелись неистовый скрежет и частые удары.

— Чистка! — громко крикнул Давид и, внимательно следя за механизмами, прикрутил кран.

Гудение пламени смолкло. Стивен перекрыл подачу пара, и барабан остановился. Встал и конвейер. Сразу стало прохладней. Давид подошел к крану, набрал и вылил на себя пару ковшей воды: от одежды сразу пошел пар. Машинист подхватил лопату и, надев маску, выбрался на решетчатый настил. Тимка даже зажмурился: там, под казавшейся ненадежной решеткой, была глубокая глотка бункера, внизу которой полированным серебром отливали шнеки. Не дай бог на них упасть.

Между тем Давид подошел к барабану, швырнул внутрь лопату и ловко, не коснувшись ни единой металлической части, спрыгнул внутрь. Там, не мешкая ни секунды, он принялся орудовать лопатой, выбрасывая куски нераспавшейся породы. Камни гулко грохотали, ударяясь о стенки бункера. Давид работал быстро и постепенно приближался к краю барабана. Каким-то чудом он не ударялся головой о низко нависшую стрелу конвейера, хотя и находился практически под ней.

Со стороны казалось, что Давид справляется со своим делом играючи, но когда он сбросил последние камни и вернулся в кабину Дракона, лицо его блестело от пота. Даже сняв маску, он дышал с присвистом, словно яростно принуждал воздух заполнять легкие. Первым делом Давид вылил на себя несколько ковшей воды, потом напился сам и крикнул Стивену:

— Запускаем!

Как ни в чем не бывало, он встал к рычагам и запалил факелы. Дракон ожил и снова начал плевать огнем. — Так оно и делается тут, мальчуган, — хрипло проговорил Давид, внимательно отслеживая процесс. — Еще все раскаленное, а ты лезешь в самое пекло, чтоб его... Усвой главное: ни в коем случае ни к чему не прислоняться, иначе пришкваришься, а то и вовсе превратишься в ростбиф.

Тимка не знал, что такое ростбиф, но предположил, что это какая-то разновидность жареного мяса. Да и стоило взглянуть только на красное лицо Давида, чтобы понять суть сказанного. Жарко, очень жарко, смертельно жарко, огненный ад — это всё, что можно было сказать о будущем.

Спустя несколько минут вновь гудело пламя, громко шипел пар и грохотали механизмы престарелого Дракона. Процесс очистки литальтона продолжился. И Девятка, и Тимка, плаваясь от жары, смотрели на то, как буквально ставшие придатком машины покалеченные люди добы-

вают для человечества необходимый ему материал. Без литальтона современная цивилизация рухнула бы в один момент, а по злой иронии судьбы добычу ценнейшего минерала в основном вели рабы — самый низший класс и самая дешевая рабочая сила. Кто придумал все это?

С небольшими остановками на чистку барабана работа длилась чуть больше двух часов. От жары и грохота это время показалось Тимке вечностью. Затем, когда стихло уханье дробилки, а по конвейеру перестала поступать руда, Драконе остановили.

— Шабаш, — сообщил Стиви, наливая свежей воды в ковш, и пояснил: — Руда из забоя не подошла пока — отдыхаем.

— Это значит, у нас есть часа полтора где-то, — сказал Давид и приказал Тимке: — Давай-ка, юнец, сгоняй в раздевалку за едой.

Тимка послушно отправился в коридор и практически сразу наткнулся на большой помятый металлический бидон с длинной ременной петлей. Рядом стояла приличных размеров корзина, накрытая мешковиной. Оттуда вкусно пахло свежим хлебом. Юноша закинул бадью за спину, подхватил корзину и отправился обратно. Когда он поднялся по лестнице, то обнаружил, что все собрались у барабана. Быстро разгрузившись, Тимка отправился туда же. Там он увидел, как Давид сидит на корточках и, ловко орудуя шприцом, загоняет смазку в масленку опорного подшипника.

— Вот та—а—ак... — голос его звучал из—под маски глухо, но в нем удавалось различить нотки удовлетворения. — И затем обязательно пройдемся по всем точкам, иначе машину заклинит.

Давид качал смазку до тех пор, пока она не начинала выдавливаться из—под крышек. Дело шло не быстро. Тимке уже стало казаться, что до конца перерыва они не успеют закончить и останутся голодными, но он ошибся. Повозившись с последним подшипником, Давид вдруг встал, потянулся и махнул рукой:

— Все, пошли перекусим.

Вернувшись в кабину, они принялись за еду. Аппетиту старожиллов можно было только позавидовать. Хотя удушливая жара, царившая вокруг, чувствовалась куда меньше, чем в начале работы, ни Тимке, ни Девятке есть не слишком хотелось. А между тем в бидоне осталось немало вкусной похлебки, ее явно приготовили на четверых.

— Это ничего, — подбодрил рабочих словоохотливый Стиви, облизывая ложку. — Скоро попривыкнете.

Насчет того, что скоро, было как-то сомнительно. Казалось, к такому пеклу просто невозможно привыкнуть. Для Тимки каждый час работы тянулся невероятно долго. Однако потом все же втянулся и перестал замечать бег времени. Еще три раза останавливался Дракон. После второй остановки Тимка смог уже поесть. А к концу смены уже по мере сил начал помогать Давиду. Девятка вроде бы тоже кое—чему понабрался у Стива, но перекусить у него так и не получилось.

Люди на Драконе заканчивали работать позже, чем остальная смена. Машине требовалось очистить всю руду, которую отправила на конвейер молотилка. После остановки необходимо было проверить и обслужить машину. Тимка же с Девяткой по приказу Давида занимались в это время уборкой. В респираторах это было делать непросто, ко всему еще и пыль, смешиваясь с потом, буквально выедала глаза.

Когда наконец с делами было покончено, все отправились в «раздевалку»—коридор. Юноша, морщась, рассматривал на своих руках ожоги и жалел этих людей, которым приходилось заниматься подобной работой долгие годы. Сами они уже привыкли не замечать новых ран, которые наносил им Дракон. Да их и было-то совсем немного по сравнению с многочисленными волдырями, усыпавшими руки Тимки и Девятки. Наверное, за годы работы приспособливаешься и умеешь избегать повреждений.

В коридоре было холодно. Точнее, после жара Дракона казалось прохладно, а холодно стало в лифте, когда поднимались наверх. Все молчали и только сильнее кутались в свои теплые куртки. На выходе из клетки их группу остановил надсмотрщик.

— Что скажете, драконы? — спросил он старожил, кивая на новичков.

— Нормально, — лаконично ответил Давид, пожав плечами.

— Подходят, — кивнул Стивен.

— Тогда, идите сюда, — приказал надсмотрщик Девятке и Тимке, а затем крикнул куда-то во тьму коридора: — Тоха, сними железяки.

Не меньше чем через минуту из тьмы вышел здоровенный надсмотрщик. Лицо его было изуродовано причудливыми шрамами. Руки тоже. Вдобавок на правой руке гиганта отсутствовало два пальца. Тимка вспомнил изуродованную руку Давида и пришел к выводу, что Тохе тоже довелось когда-то поработать на Драконе. И что вряд ли нынешний надсмотрщик когда-то пошел туда по доброй воле. Это надо совсем безголовым быть. Отсюда напрашивался вывод, что кое-кто из бывших рабов стал надсмотрщиком.

— Идите со мной, новички, — сказал Тоха так тихо, словно боялся кого-то разбудить.

— Да, господин, — нестройным хором ответствовали Девятка и Тимка.

Надсмотрщик поморщился, но ничего не сказал, только махнул рукой, как бы приглашая идти за собой во тьму коридора. Шли они недолго: почти сразу за поворотом обнаружилась открытая дверь, за которой находилась освещенная комната. Обстановка там была скудная, да и само помещение не выглядело местом для постоянного проживания. Похоже, что тут отдыхали надсмотрщики, которые сторожили выход из шахты.

— Садитесь за стол, кладите на него руки с браслетами, — буркнул Тоха, достал из шкафчика замысловатого вида клещи и прибавил: — И не зовите меня господином.

Тимка едва не ответил «Да, господин», но сдержался. Однако пока надсмотрщик ковырял клещами замок браслета, юноша старался не шевелиться. Он уже отлично усвоил местное правило, согласно которому рассчитывать стоит всегда на самое плохое, а хорошее воспринимать как подарок судьбы.

Замок сопротивлялся недолго: коротко звякнул металл, и браслет с гулким стуком упал на стол. Затем Тоха потянулся к руке Девятки, но тот отрицательно помотал головой.

— Не хочешь? — без тени удивления спросил надсмотрщик и безразлично пожал плечами. — Как знаешь. Просто учти, там работа для смертников.

Девятка встал и отошел к двери. Тоха сбросил браслет Тимки в ящик стола, затем убрал клещи и сообщил каким-то очень обыденным тоном:

— Теперь ты на положении вольных, но до поры железяка полежит тут. Если не выдержишь или не справишься — возвращайся и получишь браслет обратно. Да, отныне звать тебя можно так, как сам захочешь, — и добавил тихо: — Хотя я бы этому не радовался.

На мгновение в его глазах, как показалось Тимке, мелькнула жалость. Надсмотрщик поднялся, взял плетень и указал рукояткой на дверь.

— На сегодня все, на выход.

Девятка скрылся за дверью, но юношу Тоха удержал за плечо.

— Узнаешь у Стивена и Давида все о вольных, а пока — не разговаривай с рабами. Все понял? — спросил он вполголоса, когда раб скрылся за поворотом.

— Да, — кивнул парень, едва сумев удержаться, чтобы не добавить слова «господин».

— Быстро учишься, — усмехнулся надсмотрщик, заметив это. — Звать-то как тебя, вольный?

— Тимка, — ответил юноша.

— Вот и хорошо, Тимка. Двигай домой.

Домой... Это что, он так пошутил, этот Тоха? Впрочем, вряд ли: теперь там, в бараке, у Тимки дом. На долгие времена комната номер восемнадцать станет его жилищем, если,

конечно, смотреть в будущее с оптимизмом. Без разницы, вольный ты или последний раб: дом твой — барак с рабами, еда — похлебка, а убийственная работа — до конца жизни. Недолгой, скорее всего, если посмотреть на Стивена и Давида. Наверняка им не так уж много лет, но выглядят они старше лет на сто, наверное. И вряд ли это от хорошей жизни.

Когда Тимка вошел в комнату, там уже сидели «погонщики» Дракона, а на столе стояла еще одна полная миска, над которой клубился пар. — Заходи и присоединяйся, — сказал Стиви, приглашающе махнув ложкой. — Рубай, пока не остыло.

Сейчас, после недолгого пути под ледяной крупой и морозным ветром, Тимка ощутил зверский голод. Но поглядев на грязные руки Стивена, которыми тот сжимал кусок хлеба, на черный потек, оставшийся на лице Давида, не стал спешить. Сперва сходил в душ и как следует помылся. Это там, на ферме, он иногда «забывал» о гигиене, а здесь надо обязательно следить за собой, чтобы не превратиться в такого вот прокопченного слугу Дракона, как эта парочка старожил.

Давид заметил мокрые волосы юноши. — Долго валандаешься, остыло все уже, — пробормотал беспальный слуга Дракона, ни на секунду не отвлекаясь от еды. — Потом можно было бы поплескаться.

Тимка уселся за стол, придвинул свою миску и принялся за еду. Несмотря на то что похлебка и впрямь остыла, она показалась вкуснее, нежели в прошлый раз. И не понять: то ли из-за голода так показалось, то ли Хомяк и впрямь иногда умел готовить. Так или иначе, но со своей порцией Тимка справился очень быстро, и к компоту он приступил почти в то же время, что и его товарищи.

— Ого! — подмигнул парню здоровым глазом Стиви. — Аппетит у тебя — позавидуешь. Ничего, жуй, оно точно не лишнее, особенно по молодости лет. Да, и вот что советую: ты только перед работой не наедайся — плохо будет.

— Это верно, — поддакнул отдувающийся после еды Давид. — Очень потеешь с пережору, и сердце дико колотится. Ты, к слову, еще хлеб солью посыпай, да и всю еду соли сильнее. Соль с потом выходит — плохо чувствовать себя будешь, если потеряешь ее много.

Советы Тимка запомнил, они казались дельными. Но вот о поте... Похоже, что Давид со Стиви неплохие ребята, однако жить в одной комнате с вонючими троллями очень тяжело будет.

— А вы когда моетесь? — спросил Тимка как бы между прочим, сосредоточенно вылавливая в кружке размокшие сухофрукты.

— Дома помоемся, — усмехнулся Стиви. — Мы только когда здесь остаемся, то сперва в душ обязательно идем, как ты вот, а сейчас — прости, нет времени — надо на паровоз успеть. Здесь у нас перекус, поскольку бесплатно, да и повкусней, чем в тамошней столовой. Да, забыл сказать. Поскольку мы не все время тут живем, эти хоромы большую часть времени полностью в твоём распоряжении.

— А там, в поселке, что, еще бараки есть? — полюбопытствовал Тимка, прожевав ягоды.

— Почему бараки? Бараки — это здесь, а там — дома для вольных ну и для коренных жителей, конечно. Далековато, правда, паровоз туда тюхает прилично, но зато свой угол. Когда отработаешь несколько смен — денежку возьмёшь. Ну и сможешь тогда подыскать себе комнатушку. Зарабатывать будешь прилично, на все хватит.

— Это как посмотреть, — недовольно возразил Давид. — Здесь все невольники, только одни живут несколько свободнее, нежели другие. Хозяева давно смекнули, что с машинами хорошо управляться могут лишь люди, заинтересованные в своей работе. А рабам все равно: лишь бы не били да кормили вовремя. Оттого и неравенство. Надо фон поддерживать, чтоб технари как бы чувствовали себя вольными. Обман такой хитрый придумали, чтоб, значит, различия в жизни получились побольше.

— Так ить еще денежки нам платят, а рабам — нет, — хмыкнул Стиви.

— Но они здесь, к сожалению, ничего не стоят, — парировал Давид. — Их просто не на что потратить.

— Почему это? — вскинулся одноглазый. — Очень даже есть на что. Паровоз, опять же, выпивка, одежда...

— Ерунда это, — отмахнулся Давид. — А одежда эта твоя... Ты ее и не носишь вовсе — только покупаешь. Бабам в «Красивом доме» раздай лучше.

— Но ты-то тогда зачем откладываешь свои денежки, если они — ерунда? — нахмурившись, спросил одноглазый.

— Может быть, повезет уехать... — Давид тяжело вздохнул, а потом махнул рукой и невесело подмигнул Тимке: — А, не обращай внимания на мое брюзжание. Все мура, привычка дурацкая. В общем, двигать нам пора, а ты завтра вот что: приходи на шахту или немного раньше остальных, или немного позже, только чтоб не вместе с рабами, уяснил?

— Понял, — кивнул Тимка, пожав плечами. — Что тут непонятного?

— Много чего еще осталось, — съязвил Стивен и тут же виновато улыбнулся. — Но это пройдет.

Глава 8

«Сердцем своим блудница открыла Дверь перед Ним»

Только спустя несколько месяцев Тимка начал немного понимать, о чем толковал Давид. Да и причины отказа Девятки жить вольным теперь стали понятны. Не раз и не два приходилось юноше чистить барабан, а то и чуть не на всем ходу ремонтировать захандрившего Дракона. Тимка многому успел научиться. Например, не стонать, а лишь шипеть сквозь зубы ругательства, когда кожа прилипала к раскаленному металлу. И ожоги самостоятельно бинтовать уже получалось на раз. Вскоре многочисленные шрамы от ожогов и царапин так плотно покрыли кожу, что практически размыли клеймо. Его не только невозможно было прочесть, но даже найти сложно. И что удивительно, сами шрамы выглядели не так устрашающе, как, например, у Давида. Тимка решил, что все дело в молодости: организм пока еще хорошо справляется со всякого рода повреждениями. Потом, когда он станет старше, все изменится, но сейчас можно не морочиться на эту тему. В общем, мысль о том, что придется провести целый день в пекле, уже больше не наводила тоску. Как, впрочем, и холодные серые сумерки, изрядно сдобренные ледяной крупой, перестали сильно давить. Он даже взял за правило совершать небольшие прогулки вокруг барачков, хотя это и не слишком помогало развеяться, разве что немножко встряхнуться от однообразия. Спасали от тоски лишь редкие поездки в поселок.

За время работы на Драконе Тимка успел несколько раз выкроить время, чтобы скататься туда. Там было хорошо, там витало то же ощущение постоянного праздника, что царило в Эйлере. Да и сами поездки не тяготили. В те дни юноша поджидал древний паровозик, возивший добытый литальтон на фабрику. Позади двух десятков товарных вагонов был прицеплен один пассажирский. На нем возвращались со смены вольные. Таковых набиралось немного: больше половины жестких деревянных скамеек пустовало. Поскольку груженный состав двигался довольно медленно, то времени на дорогу уходило изрядно, вот многие и предпочитали ночевать в бараках, чтобы подольше поспать. В дороге-то что за сон? Тем более что на жесткой скамейке не разоспишься, пусть литальтоновая платформа и неплохо амортизировала. Не для каждодневных поездок годился этот поезд, короче. Однако если катаешься изредка и в свое удовольствие, то получалось вполне приятное путешествие. Внутри тепло, вагон на ходу приятно покачивается, негромко скрипит деревянная обшивка, ледяная серая муть бессильно барабанит в исцарапанные дребезжащие стекла. Даже изредка приносимый ветром резкий запах горящих в топке брикетов, что проникал в салон, не вызывал сколь-нибудь неприятных эмоций. Он, скорее, подчеркивал уют древнего вагона. Хотя как это все будет восприниматься, например, через месяц постоянных поездок — сказать трудно.

И идея с поселком запала Тимке в душу. Тем более что она была вполне осуществима в ближайшем будущем. Вскоре должны были наступить Дни ремонта. Этот праздник отмечали не только рабы, но и вольные во всех окрестных поселениях. В такие дни все шахтное оборудование останавливалось и специальная бригада занималась его обслуживанием. Естественно, шахтеры отдыхали кто во что горазд. На время каникул рабов уравнивали в правах с вольными, и те из них, у кого случайно завалялись денежки, могли пожить некоторое время в поселке. Остальные, чей карман был пуст, как могли коротали дни, лежа на койках в бараке.

Поскольку немногочисленных людей, работавших на Драконе и на конвейере, считали заведомыми смертниками, им полагались неплохие предпраздничные выплаты. Причем даже рабам перепадало, хотя куда меньше, чем вольным. К Дням ремонта у Тимки скопилась хорошая сумма, и раз уж так все сложилось, отдых он решил посвятить поискам жилья. Тем более что из барака уже и вправду хотелось время от времени отлучаться. И тяготили вовсе не соседи

и отсутствие дверей; стараться выглядеть вольным Тимка не собирался, поскольку признавал правоту Давида, утверждавшего, что нет существенной разницы между теми, кто с браслетом, и кто без. Дело в том, что с некоторых пор Тимка почувствовал пристальное внимание к своей персоне. И следили за ним не один человек, а целых четверо. Стоило зайти, например, в душевую или столовую, как там обязательно торчал кто-то из четверки с цепким взглядом. Зачем они следили — непонятно. Вряд ли хотели что-то украсть: у Тимки ничего ценного, если не считать лежащих в кассе на сохранении денег, не было. К тому же надсмотрщики могли устроить веселую жизнь вора, если о краже донесут другие рабы. В том же, что донесут — сомневаться не приходилось: каждый раб хотел бы несколько дней отдохнуть от шахтерской доли на какой-нибудь легкой работе. И за подтвержденный донос такую премию вполне можно было получить. Короче, замыслили ли те, кто следил, что-то плохое или же имели какие-то другие планы насчет Тимки — вся эта возня напрягала.

Дни ремонта в поселке чем-то напоминали ту самую ярмарку в Эйлере, что так нравилась юноше в его прошлой фермерской жизни. Так же по периметру площади стояли крытые прицепы, а торговцы стояли рядом с ними и громко расхваливали свой товар. Только, в отличие от Эйлера, люди здесь кутались в теплые одежды. Но товары были почти такими же: пестрая одежда, кухонная утварь, разные полезные мелочи для дома и даже конфеты — в общем, все необходимое для повседневной жизни и наслаждения ею. Чуть поодаль стояли два старых пассажирских вагона: по возрасту — явно братья того, что возил людей на шахту. В них организовали закусовые, и внутри толпился народ.

Одно из больших складских зданий, расположенное позади круга фургонов, стояло с распахнутыми настежь воротами. Тимка заглянул туда и обнаружил, что помещение целиком оккупировали торговцы, продававшие серьезные товары. Тут торговали не только запасными частями к технике, но и самими машинами. Каким-то чудом тут уместился огромный трактор. Он был куда больше Хоппера, однако спереди Тимка не увидел таблички с названием модели, а спрашивать постеснялся. Однако самая главная часть ярмарки находилась, конечно же, в самом центре площади. Тут был установлен большой остроконечный полосатый тент цирка, из под которого доносилась веселая музыка. Цирк! Представление, стало быть, шло полным ходом.

Тимка подошел к занавешенному брезентом входу и, откинув ткань в сторону, шагнул внутрь. В лицо пахло теплом, а от яркого света многочисленных светильников заслезилась глаза. Похоже, что взглянуть на представление пришли не только жители этого поселка, но и других поселений. Тимка подозревал, что даже и отдаленных. Все места на лавках были заняты, даже на ступенях в проходах сидели люди. Несмотря на такой аншлаг, стоявший у входа полный человек в черном костюме предложил парню войти:

— Покупайте билет, молодой человек, заходите! Мы тут всего три дня представления даем. Когда еще выпадет такой шанс.

Юноша колебался. С одной стороны, очень хотелось остаться и посмотреть, но ведь первый день ярмарки всегда интереснее последующих. Лучше тогда сегодня побродить, а в цирк можно и завтра заглянуть. Глядишь — и народу поменьше будет. Тем более что с жильем неплохо разобраться как можно быстрее, чтобы успеть за Дни ремонта.

— Я уж потом как-нибудь, — наконец справился с собой Тимка и с виноватой улыбкой развел руками. — Дел еще много осталось незавершенных.

— Как знаете, — с напускным равнодушием ответил толстяк и отвернулся.

Покинув цирк, Тимка побродил по ярмарке, накупил полные карманы конфет и, по пути поглощая сласти, отправился к домику Давида и Стива. Увы, несмотря на договоренности, коллег на месте застать не удалось. Выглянувший из-за двери сосед посоветовал искать их в «Красивом доме». А затем, почему-то все время смущенно посмеиваясь, объяснил, как до этого строения добраться. Тимка поблагодарил и неторопливо побрел в указанном направлении.

Строение оказалось приземистым баракком вроде того, где обитал Тимка. И если бы не красные фонари у входа — примета, указанная соседом — парень наверняка прошел бы мимо. Маленькая табличка на двери с полустершимися словами «Красивый дом» подтверждала, что Тимка нашел искомое. Он постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, вошел в небольшую комнату, всю обстановку которой составляла пара изящных деревянных стульев и такой же столик. В противоположной от входа стене была дверь, на которой было написано: «Ждите». Тимка пожал плечами, расстегнул куртку (благо, что было тепло) и осторожно уселся на стул. Сколько придется ждать — на табличке не указали, а после ярмарки и поисков ноги гудели.

Парень огляделся. Удивительно, но даже несмотря на скудость обстановки, место показалось ему довольно уютным. Камень стен скрывала неяркая драпировка, а тихо шипевшие большие светильники давали куда меньше света, чем могли бы. Их явно притушили специально. Все это как-то очень правильно сочеталось с теплом и тишиной. В конце концов Тимка для себя решил, что тут живут хорошие люди, и принялся внимательно рассматривать затейливый узор, украшавший столешницу. что-то в нем казалось ему знакомым.

С тихим скрипом открылась дверь. Тимка, поглощенный своим занятием, вздрогнул и поднял голову. В комнату вошла женщина в длинном, расширяющемся книзу красном платье. Она показалась юноше очень красивой. Красоту подчеркивала в том числе и высокая прическа женщины. Такие, как считал юноша, могли носить только благородные столичные дамы.

— Добро пожаловать, юноша! — мягко произнесла леди. — Я рада видеть вас здесь. От ее удивительно глубокого голоса почему-то стало как-то по-особенному жарко.

— Здравствуйте! — едва сумел выдать в ответ Тимка и закашлялся.

— Не смущайтесь. И не надо представляться: мы не спрашиваем у посетителей имен. Ну а вы можете звать меня просто Мадам, — улыбнулась дама. — Оставьте свою верхнюю одежду где-нибудь здесь. О ней позаботятся, а мы с вами пройдем в кафе.

Юноша кивнул и принялся торопливо снимать куртку. из-за спешки рука застряла в рукаве, и Тимка все никак не мог освободиться от чертовой одежды. Он взмок от стыда и страха, думал, что теперь-то наверняка женщина сочтет его неумехой, но та лишь доброжелательно улыбалась, словно подобные олухи — частые и очень желанные здесь гости.

Наонец он закончил и они вышли из комнаты в коридор. Тимку поразило, что стены тут были отделаны деревом. По местным меркам — очень дорого, ведь тут не росли леса, и доски наверняка везли с другого берега океана. Двери, кстати, тоже были деревянными, и каждая — под номером. Некоторые закрыты, некоторые — нет. В открытых и, похоже, пустых комнатах горел свет, но тонкие завесы не позволяли разглядеть убранство.

Женщина шла мимо дверей, и юноша решил, что она ведет его к двери в торце коридора. В том баракке, где пока еще жил Тимка, там находилась столовая. Здесь, по всей видимости, тоже располагалось нечто подобное. Он не ошибся.

— Мы пришли, — произнесла дама, распахивая дверь.

Кафе оказалось небольшим, но очень уютным. Штук семь маленьких столиков, на которых в подсвечниках горели свечи; в глубине — небольшая стойка бара; на стенах висели светильники, но свет в них еле теплится. Посетителей в кафе оказалось шестеро, все сидели за одним столиком, и, что самое удивительное, все эти посетители были молодыми женщинами в таких же прекрасных, как у Мадам, ярких платьях. Девушки с ленивым интересом уставились на вошедших и Тимка растерялся. В конце концов он устался в пол, чтобы не встречаться с ними взглядами.

— Садитесь за любой свободный столик, молодой человек, — с едва заметной улыбкой сказала Мадам. — Сейчас подберем вам девушку...

— Простите, Мадам, — смущенно перебил ее Тимка. — Я тут за знакомыми пришел. Мне сказали, что они здесь, а мне, вот, жилье надо и... Они такие в шрамах и с одним глазом, там Стиви...

Мадам рассмеялась, девушки заулыбались и зашушукались.

— Моя ошибка, что не спросила сразу, — приложив ладонь к груди, сообщила она, серьезнев. — Ничего страшного, скоро вы их увидите. А пока, чтобы загладить вину, могу предложить вам что-нибудь попить или, если не хотите кофе, выпить. Разумеется, за счет заведения.

— Э—э—э, а компот у вас тут есть?

Вопрос этот вызвал у девушек новый взрыв смеха.

— Найдем что-нибудь, — улыбнулась Мадам и взмахнула рукой.

Откуда-то из полумрака вынырнул молодой человек, подошел к женщине и склонил голову. Она что-то тихо сказала, парень коротко поклонился и словно растворился в сумраке за стойкой.

— Я так понимаю, что вы никогда не были в подобных заведениях? — спросила Мадам. Тимка отчаянно замотал головой. — Хорошо. Давайте, пока мы ждем напиток, я вас введу в курс дела. — Она ненадолго замолчала, пристально посмотрела в глаза парню, а затем, скользнув взглядом по его рукам, продолжила: — Так вот, в «Красивом доме» мы продаем удовольствия.

— А какие? — Ему на мгновение представился цирк, а затем вагончик—таверна, и он спросил. — С чем они связаны?

— Юноша, вы когда-нибудь были... м—м—м... близки с женщиной? — вопросом на вопрос ответила Мадам.

— Ну, как... — Тимка зачем-то потер нос. — Тетя была близким мне человеком и...

Он покраснел и умолк, услышав смешки за столиком девушек: понял, что сморозил глупость. Мадам едва заметно улыбнулась и подняла руку. Смех тут же смолк.

— Это, как бы сказать, несколько другое. Вы где росли? На ферме?

— Д—да. Недалеко от Эйлера, это который на Солнечном Берегу, у дяди была ферма, и там я жил.

— На солнечном берегу... Очень хорошо, — кивнула Мадам. — Значит, вам приходилось видеть, с чего начинается процесс размножения, например, коров?

— Конечно! — обрадованно закивал Тимка, радуясь, что разговор коснулся хорошо знакомой ему темы. — И коров, и свиней. А еще так же...

Мадам подняла ладонь, прерывая парня.

— Вот и отлично. Очень похожим образом происходит и размножение людей, как можно догадаться.

Тимка снова зарделся и уставился в стол. Ему сейчас очень хотелось провалиться куда-нибудь под пол. Хорошо, что из глубины кафе появился молодой человек с подносом в руках и поставил перед Тимкой высокий стакан с каким-то ароматным питьем.

— Ваш компот, — серьезным тоном сказал официант, кивнул и ретировался.

Напиток появился очень вовремя. Тимка сделал глоток и почувствовал, как внутри потеплело, но не так, как это случалось от ядерного дядиного самогона. Сладкое питье казалось, как бы сказать, очень мягким. Мадам некоторое время с какой-то тоскливой нежностью смотрела, как Тимка пьет коктейль, а затем продолжила:

— В отличие от животных, у человека процесс больше направлен не на размножение, а на получение удовольствия. Так вот, в заведениях, подобных нашему, продаются именно такие услуги. Слово «продаются» женщина произнесла с нажимом, и Тимка это заметил. Но после нескольких глотков «компота» смутился уже гораздо меньше.

— Э—э—э, да, спасибо, я так и понял, — смущенно проговорил Тимка, снова краснея. Он теперь чуть более откровенно рассматривал женщину, а та, в свою очередь, не отрывала взгляда от его руки.

— Значит, вы работаете на Драконе со Стиви и Давидом, Тимофей? — тихим шепотом спросила она, осторожно положив свою ладонь поверх его.

— Да, — ответил Тимка, не скрывая своего удивления действиями Мадам. — А откуда вы... — Тихо! Пойдемте со мной. — она встала из-за стола и повернулась к девушкам. Те с любопытством вытягивали шеи: разговор их явно интересовал. — Вот что, красавицы, я сама займусь этим молодым человеком.

— Ого! — послышались нестройные возгласы, в которых к уважению явно примешивалась изрядная доля иронии. Мадам покачала головой с наигранной укоризной, поглядывая на работниц. — А то вы не знаете, что случается у нас и такое. Ну так вот, за старшего остается Эдик, он и рассчитает наших уважаемых «драконов», когда они закончат. Не балуйтесь тут, я скоро вернусь. — Она улыбнулась и, взяв смущенного Тимку под руку, тихо скомандовала: — Идем.

Они прошли по коридору к противоположной стене и остановились перед ней. Тимка вопросительно посмотрел на Мадам, но та не обратила на его взгляд никакого внимания. Она водила ладонью по стене, легонько касаясь досок. В своем домике на ферме Тимка так искал зимой щели, через которые сквозил холодный воздух. Но тут подобные действия предназначались явно для чего-то иного.

Мадам быстро оглянулась, затем положила ладонь Тимке на шею и резким движением толкнула его прямо на стену. Юноша инстинктивно выставил вперед руки, но ладони прошли сквозь доски, и, не удержавшись на ногах, он рухнул на пол в тускло освещенной комнате. Следом появилась Мадам. — Вставайте, юноша, — приказала она, и в тоне ее прозвучали металлические нотки.

Тимка торопливо поднялся и, машинально отряхивая одежду, огляделся. Небольшая пустая комната выглядела не слишком обычно. Стена, противоположная «входу», была сильно искривлена. Вторая странность, которую Тимка осознал не сразу, заключалась в том, что на стенах отсутствовали рожки светильников. Казалось, что светятся сами стены, как в пещере подземной реки. Во всяком случае, шипения газовых горелок не было слышно. Опять колдовство, не к добру это.

Между тем женщина откуда-то из складок платья достала удивительно знакомую вещицу. У Тимки ёкнуло сердце. Это был то ли тот самый, то ли очень похожий медальон, с которого и начались все его злоключения. Мадам поднесла вещицу к самому лицу парня, и свет в комнате мгновенно вспыхнул. Тимка на мгновение ослеп, а когда зрение вернулось, обнаружил, что остался в комнате один: женщины нигде не было видно. Лишь на полу лежало ее платье и туфли. Звенящая тишина в неистово ярком свете стен казалась страшной. Тимка не выдержал и рванулся к стене, где находилась невидимая дверь, через которую они вошли, но выйти тем же путем не получилось. Тогда в отчаянии он принялся колотить руками и ногами по стенам, но ничего не добился — лишь рассадил кожу на костяшках пальцев. Снова он в ловушке. Но если там, на лестнице у подземной реки, по подсказкам удалось найти хоть какой-то выход, то здесь, в пустой комнате, не было ни одного намека на присутствие неведомых помощников.

Обойдя несколько раз комнату по периметру, Тимка в изнеможении уселся на пол, прильнул к стене и закрыл уставшие от яркого света глаза. И в какой-то момент не заметил, как отключился. Впрочем, проспал он недолго, а когда открыл глаза, то сперва не понял, где находится. Затем память скрупулезно восстановила все произошедшие события, и юноша пожалел, что нельзя снова отправиться в сны. А ведь там было хорошо и легко, пусть и сумбурно. что-то интересное про Солнце, луны, звезды, теплый океан и ферму.

Тимка вздохнул, огляделся и едва не вскрикнул от изумления: искривленная стена исчезла! Там, где она находилась, клубился сиреневый туман. А еще... Посреди комнаты без всякой видимой опоры висел большой, почти от пола до потолка, знакомый знак — перечеркнутый диагональной чертой овал с черточкой позади. Парень встал с пола, медленно подошел к знаку и протянул руку, пытаясь коснуться его поверхности, но пальцы не встретили ни малейшего сопротивления. Юноша сделал шаг назад и тщательно вытер ладонь о штанину, хотя на

ней и не осталось никаких следов. Однако само касание не прошло бесследно: знак словно бы растворился в воздухе, а клубившийся туман сменила россыпь черных точек. Когда их стало много — возникли прямые линии, некоторые из них стали изгибаться, утолщаться и менять цвет. Они соединялись друг с другом, превращаясь во все более сложные конструкции. Тимка не отрываясь наблюдал за этими чудесными превращениями, но все равно не понял, как в один момент разрозненные части вдруг превратились в короткий коридор, в конце которого виднелась светло—серая дверь с черной ручкой. Над коридором повисла красная надпись, понять смысл которой парню не удалось.

Тимка подошел к стене и пригляделся. Вполне могло оказаться, что все это картинки, как в палатке «Волшебный фонарь» на ярмарке. Только там, в Эйлере, изображения на белой парусиновой стене двигались, хотя были тусклыми, черно—белыми и не очень четкими. Юноша протянул руку и попытался коснуться стены, но ее не оказалось. Тогда он сделал шаг и оказался в коридоре перед самой дверью. Он дернул ручку раз, затем другой, но ничего не вышло. Тогда он толкнул дверь, и та легко открылась. За ней виднелся другой ярко освещенный длинный изгибающийся коридор. Тимка шагнул за порог и, услышав едва заметный шорох, резко обернулся: комната позади исчезла в клубах сиреневого тумана. То есть обратного пути отсюда не было, и он двинулся вперед.

Идти по коридору оказалось неожиданно приятно. Тимке показалось, что тело его стало очень легким. Он попробовал подпрыгнуть, чтобы коснуться высокого потолка, и едва не сломал об него пальцы. Ругнувшись и тряся рукой, юноша зарекся экспериментировать. Коридор не был прямым, а все время плавно поворачивал, поэтому увидеть его весь не получалось. И, соответственно, невозможно было понять, сколько придется топтать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.